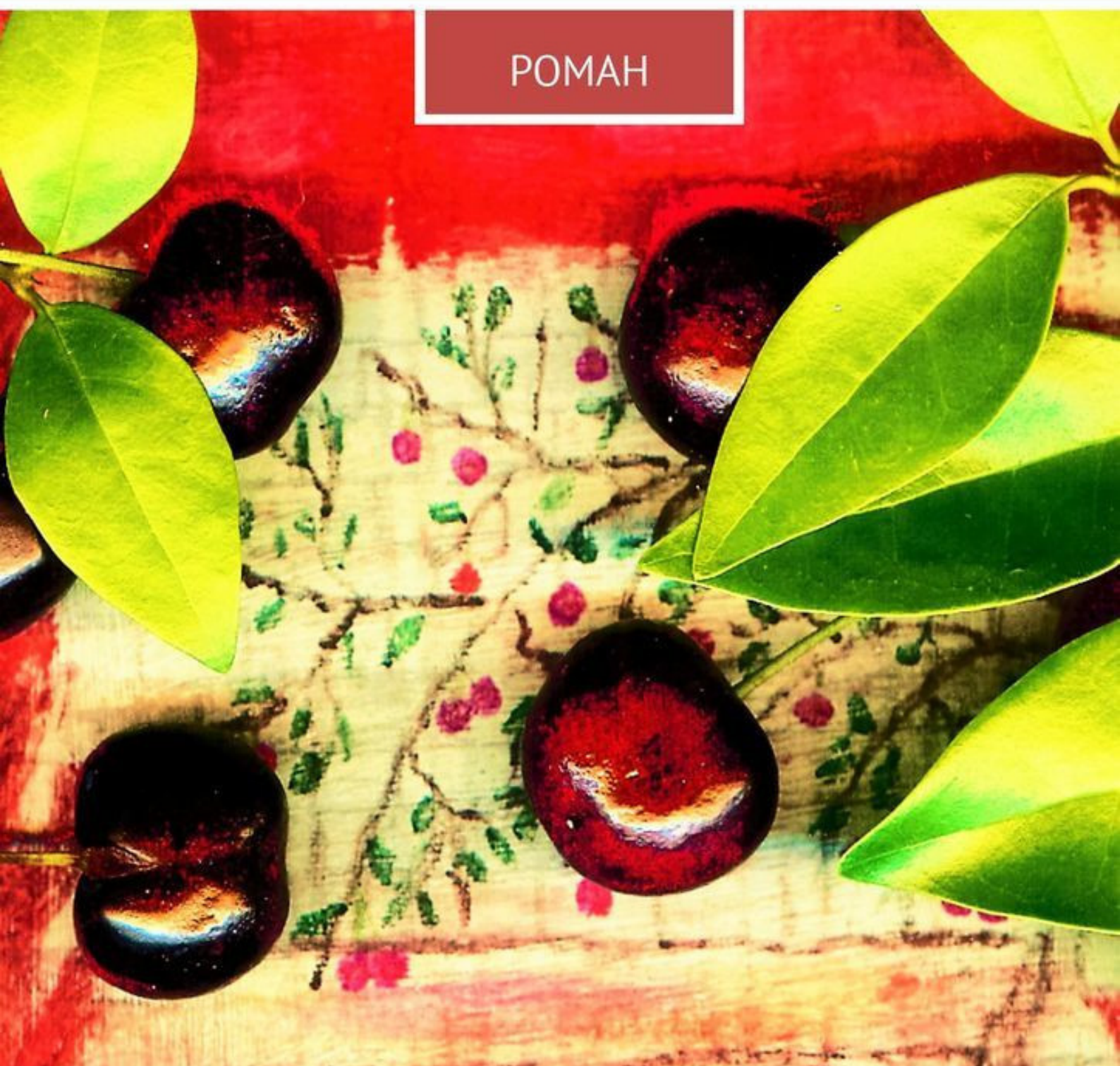

18+

ВАЛЕРИЙ КАСАТКИН

Пьяные вишни

РОМАН

Валерий Касаткин

Пьяные вишни. Роман

«Издательские решения»

Касаткин В.

Пьяные вишни. Роман / В. Касаткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938481-2

Роман основан на реальных событиях с элементами детектива, главный герой которого, избавившись от алкогольной зависимости, стремится к лучшей жизни. На своём пути он встречается с людской подлостью и теряет друзей, гибнущих в алкогольном омуте. Действия романа начинаются в лихие девяностые годы 20 века.

ISBN 978-5-44-938481-2

© Касаткин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пьяные вишни

Роман

Валерий Касаткин

Редактор Валерий Алексеевич Касаткин

Иллюстратор Валерий Алексеевич Касаткин

© Валерий Касаткин, 2020

© Валерий Алексеевич Касаткин, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8481-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман основан на реальных событиях с элементами детектива, главный герой которого, избавившись от алкогольной зависимости, стремится к лучшей жизни. На своём пути он встречается с людской подлостью и теряет друзей, гибнущих в алкогольном омуте.

Тот, кто однажды попадал в тот вишнёвый сад и пробовал его плоды с ароматом вина, был обречён на короткую, бессмысленную жизнь в дурмане, в мире пьяных воображений и нереальных целей. И лишь немногим удавалось вырваться оттуда и начать жизнь с трезвым умом, новыми ощущениями, но до конца своих дней так и не избавившись от привкуса вишни с ароматом вина во рту, который постоянно напоминал им об уродливом периоде их существования.

С ветки вишню я сорвал в саду,
Заиграла кровь, как от вина.
Кто вмешался там в мою судьбу?
В мир хмельной меня снесла волна.

Глава первая

1

Данилин лежал уже десять минут с закрытыми глазами после, как ему казалось, пробуждения. Он боялся пошевелиться. Его пугала неестественная тишина вокруг и внутри тела. Он не слышал стука собственного сердца и, как обычно, шума в ушах. Зато мысли вспыхивали в голове, словно молнии, воплощаясь в вопросы, которые он шепотом повторял:

– Что со мной? Где я?

И вновь вспышка:

– А где знакомый запах, который много лет окружал меня?

И потом новый, сильный взрыв в голове:

– Где я был накануне? Что делал?

В туманном сознании слегка приоткрылся занавес. Данилин вспомнил. Вечером он был в компании друзей на берегу реки. Горел костёр, все пили вино. Что же произошло потом?.. Этого он не помнил, как и того, кто из друзей там был, и подумал: наверное, как всегда: Серёга, Иван, Саня. И почему-то вспомнил Толяна. Но ведь он уже год как без вести пропал, и его все считают мёртвым. Странно...

Данилин попытался пошевелиться. Руки, ноги не подчинились. Его охватил страх, но это немного успокоило. Значит, он живой. Душа что-то чувствует. Данилин попробовал открыть глаза, и это ему удалось. Прежде всего он увидел лиловые, застывшие звёзды там, далеко, в тёмной Вселенной. Они не мерцали, не отражали свет. Появилось ощущение, что он уже видел такие звёзды. И вдруг вспомнил: в далёком детстве он рисовал точно такое же звёздное небо.

Лежал Данилин среди развалин старинного замка. Рядом стояли полуразрушенные мраморные колонны. Вокруг были разбросаны гранитные глыбы. Он не понял, как оказался на ногах и сделал первые шаги, хотя по-прежнему не чувствовал ни рук, ни ног и не слышал стука сердца и собственного дыхания. Снова взорвалась мысль, обдавая страхом душу: очевидно, он в другом мире. Но, увидев знакомую тёмную ленту реки, немного успокоился. Данилин не пошёл, скорее, полетел к тому месту, где вчера с друзьями отдыхал у костра. Но остатков костра не было. С небольшого обрыва он глянул на речку. Внизу вместо воды виднелась застывшая лиловая лента. Снова сверкнули молнией мысли: да, он в другом мире. Но почему один? И как сюда попал? И есть ли отсюда выход? Усиливающееся чувство страха угрожало перерасти в паническое состояние. Он вернулся на развалины замка и, осмотревшись, подумал: да, действительно, всё кругом – небо, звёзды, река, сосновый лес на горе – «неживые». Данилин поднялся по разрушенным ступеням на площадку. Оттуда открывался вид на мёртвый мир. Данилин присел и задумался: «Меня не мучает жажда, есть мне не хочется. Значит, я выживу. Но как я буду жить без людей? Что здесь делать в одиночестве?» Эта мысль заставила сердце очередной раз сжаться. Вот тот случай, когда страх хуже смерти. Осознавать всё это и бродить вечно по мёртвым развалинам – что может быть хуже?

Мысли панически заметались в голове. Одна из них выскочила из обречённого круга, проникла в душу – и душе стало легко. У Данилина появилась цель. Он решительно встал и пошёл искать выход из параллельного мира, думая, что только мечта наполняет жизнь человека смыслом и заставляет жить. Теперь у него есть цель – найти выход и увидеть хоть ещё разок своих любимых близких, родных и друзей. Пусть даже для этого понадобится много лет. Данилин посмотрел на звёзды, выбрал самую красивую в восточной части небосклона и пошёл к ней.

Через некоторое время его вновь охватило отчаяние: расстояние не становилось короче, и горизонт не менял очертаний. Данилин в тоске посмотрел на выбранную звезду, и вдруг в его душе что-то встрепенулось. «Возможно, показалось», – подумал он и, пристальнее присмотревшись к мёртвой избраннице, заметил на ней голубой оттенок. Что бы это значило? Может быть, он всё-таки продвигается вперёд и его направление верное? Это придало мужчине силы, и он снова двинулся в путь, стараясь не смотреть на звезду, боясь потерять надежду.

Инстинкт подсказывал путнику, что по времени давно уж должен наступить день. Но горизонт на востоке был по-прежнему тёмным. Звезда всё так же не меняла своего голубого оттенка. «Может быть, лёгкое голубое свечение – плод моего воображения?» – подумал снова путник. Но жизненный опыт подсказывал: надо верить в то, чего даже не бывает, и тогда оно обязательно сбудется. Так что «вперёд – звезде навстречу»!

Данилин то ли шёл, то ли плыл ещё какое-то время. На горизонте он увидел светлое, узкое, длинное облачко, которое постепенно превращалось в вереницу людей. И вот они уже скользят рядом, не обращая внимания на него. Их глаза с мёртвым, бледным свечением устремлены куда-то вдаль. Тысячи людей шли вереницей в ту даль, ведомые какой-то силой. Данилин всматривался в их лица и вдруг увидел Толяна и изо всех сил закричал:

– Толян, дружище, это ты? Куда вы идёте? Где выход?

Друг молчал и никак не реагировал. И лишь, исчезая вдаль, махнул рукой в сторону лиловой звезды с голубым оттенком, которая стала ещё светлее. В это время человек, шедший последним, схватил Данилина за руку и потянул за собой. Данилин закричал:

– Я не хочу с вами, я хочу к той звезде!

И человек отпустил его руку. Вереница странных людей скрылась в лиловой мгле. Данилин помчался к выходу, подсказанному другом. Звезда становилась всё ярче. И вот она уже сверкнула над сосновым бором. Данилин услышал шум деревьев. Чтобы добраться до них, надо было преодолеть крутой склон горы. И он начал восхождение на вершину, впервые за всё время блуждания в странном мире почувствовав свои ноги и руки. Они были тяжёлыми и ватными. Первые шаги дались с трудом. В руках ещё оставалась какая-то сила, поэтому приходилось одной рукой держаться за выступы, другой подтягивать ноги. И когда вершина была совсем рядом, силы покинули Данилина. Он слышал лишь частые удары своего сердца. Ему не хватало воздуха. Страшная мысль сверкнула молнией: а стоит ли карабкаться дальше? Может быть, лучше вернуться в строй мертвецов и бродить вечно в другом мире, не зная забот и суеты? В это время Данилин снова услышал шум соснового бора. Его обдало свежим воздухом. Он встрепенулся, сделал последнее усилие и оказался под кроной сосны. В этот момент сознание покинуло Данилина, и всё вокруг перестало существовать.

Когда Данилин проснулся, он почувствовал во рту знакомый запах перегара и услышал тяжёлые, гулкие удары сердца. Открыв глаза, Данилин понял, что это был всего лишь сон. Он увидел жену Алесю, стоящую рядом с кроватью, и по молниям в её глазах понял, что разговор будет кратким, но очень неприятным.

– И сколько это будет продолжаться? Твои крики и стоны во сне становятся невыносимыми. Сколько можно издеваться надо мной, над семьёй и собой? Тебе не стыдно напиваться до беспамятства, а потом бродить по закоулкам, где тебя знает каждая ободранная кошка? Ты знаешь, что, если моё терпение лопнет и я приму решение, оно будет окончательным и бесповоротным. Догадываешься, о чём я говорю? А без меня ты долго не протянешь. И не забывай, что скоро состоится заседание исполкома по нашему делу. Мойся, брейся, принимай человеческий облик и иди на работу.

Данилин дрожащим, хриплым, тихим голосом проямлил:

– Слава Богу, живой.

Помолчав, добавил:

– Ты же знаешь, где и с кем я бываю.

Алеся посмотрела на него укоризненно и ушла выполнять свою и его работу.

Юрий Иванович Данилин, сорока восьми лет, красивый, спартанской внешности мужчина с двумя небольшими шрамами на левой брови и правой щеке, что придавало лицу мужественность, лежал в кровати и боялся пошевелиться. Весь его организм работал на пределе возможного: сердце рвалось из груди, в голове шумело, перед глазами бегали мурашки, руки тряслись, к горлу подступала тошнота, в голове роились мысли одна страшнее другой. Думать он не мог. Но думать было надо. Думать о работе, о семье, о своём поведении. И как-то нужно покончить с такой жизнью. Какой толк от хмельных расслаблений, если помнишь только начало попойки, остальное – провал в памяти, а пробуждение после неё хуже смерти. И, очевидно, в связи с ночным кошмаром Всевышний посылает ему чёткий намёк, что он не намерен больше вытягивать его из хмельной трясины.

Данилин с трудом встал и, шатаясь, поплёлся в ванную комнату, с опаской поглядел в зеркало и подумал: ещё несколько таких пьянок – и он себя не узнает. Что же происходит? Раньше он так не пил. Вспомнились друзья. А ведь они спиваются, и он следом за ними. Надо что-то делать. Прежде всего, выйти из запоя. Тем более что после трёх дней хмельного угара организм уже не выдерживает. Но как это сделать? Без ста граммов вина сердце может остановиться. Решено: сделаю пару глотков, а там видно будет.

Данилин быстро привёл себя в порядок, нашёл под кроватью припрятанную бутылку вина, дрожащими руками открыл её и сделал один глоток. Подступила тошнота, но она быстро прошла. Тогда он сделал ещё пару глотков, закрыл бутылку и сунул её под кровать. Прислушался к организму. И в теле и на душе стало легче, мысли прояснились. Юрий Иванович уже собирался идти на работу, но ему захотелось сделать ещё пару глотков живительного напитка. Он достал бутылку и несколько раз отхлебнул из горлышка. Снова прислушался и подумал: вот теперь можно и поработать. Зазвенел мобильный телефон.

– Данилин на связи, – прохрипел Юрий Иванович.

И услышал такой же хриплый голос Ивана, который сказал:

– Ты куда вчера, дружище, исчез? Как сквозь землю провалился.

– В точку попал. Я побывал на том свете.

– Все мы когда-нибудь там будем. Давай подруливай к нам. Ты знаешь, где нас найти.

Кстати, сегодня годовщина по Толяну. Так никто и не знает, куда он сгинул.

– Я знаю, где его искать, расскажу при встрече.

До заседания райисполкома оставалось три дня. Время хватало, чтобы подготовиться. Но Юрий Иванович и так был готов. У него уже имелся солидный опыт по таким делам. Главное – не напиться накануне.

Когда Данилин вышел на улицу, какая-то сила потянула его в противоположную от места работы сторону. Вино сделало своё коварное дело. Он, не сопротивляясь, ускорил шаг и скоро очутился там, где был вчера...

Пробуждение снова было мучительным. Данилин открыл глаза и подумал: последнее из вчерашнего, что он помнит, – это самогонный аппарат на квартире у друга Ивана и струйку хрустальной жидкости, стекающей в его кружку. Он сполз с кровати, пошарил под ней рукой, достал недопитую бутылку вина, не задумываясь, опустошил её и опять прилёг. Заработали мысли. В квартире стояла гробовая тишина. Данилин обрадовался: жена уже на работе, значит, неприятного разговора не будет. Но всё равно надо с этим безобразием завязывать.

Вино подействовало, как обычно, оживляюще. Юрий Иванович решительно встал, привёл себя в порядок, выпил огуречного рассола, после этого позавтракал и пошёл к входной двери. Перед дверью стояли туфли. Но одна туфля была его, а вот другая, с пряжкой, принадлежала жене Ивана, крупной женщине. И, конечно, его Алеся не могла не заметить этой странной парочки. Кошмар! Попробуй теперь всё это ей объяснить.

Данилин надел другие туфли и стал открывать дверь, но она не поддавалась. Он понял, что дверь закрыта на нижний замок, ключа от которого у него не было. Похоже, жена решила его заточить в четырёх стенах. Юрий Иванович подошёл к окну и, глянув вниз с третьего этажа, подумал: может, спуститься вниз по верёвке? Впрочем, эту мысль Данилин от себя сразу отогнал. Стал бродить по четырёхкомнатной квартире в поисках спиртного, но, кроме одеколona и духов, ничего не обнаружил. Снова подошёл к окну. Стреляли мысли: что делать? Его всего трясло. На улице никого не было, только постоянно пьяный Миша плёлся за очередной порцией допинга. Может, его попросить по верёвке передать пару бутылок вина? Тогда придёт спасение от ужасного похмелья и, может, от самой смерти. Данилин открыл форточку и хотел уже окликнуть Мишу, но обожгла мысль: разве он совсем пропащий человек? Тем более, об этом поступке через час узнает весь город, и многие начнут злорадствовать, обсуждая моральное падение успешного ранее человека. Мысли вихрем носились в его голове, а глаз следил за Мишей, к которому присоединился коллега по состоянию души. Наконец оба страждущих скрылись за углом дома, а Данилин отошёл от окна и ещё раз обшарил все тайные места в квартире. Ничего не найдя, он хлебнул из банки рассола и решил снова лечь. В голове укрепилась мысль во что бы то ни стало выйти из ужасного состояния и больше к спиртному не притрагиваться.

Примерно через час раздался звонок домашнего телефона. До конца не проснувшись, Данилин с трудом поднял трубку и сказал «да». Ответом было молчание. «Наверное, проверяет жена», – подумал он и положил трубку.

Разбуженный звонком, Данилин почувствовал, что ему становится хуже. Сна было недостаточно, чтобы восстановить силы. Его бросало то в жар, то в холод. На лбу выступал холодный пот. Данилин думал: происходит ломка, как у наркомана. А почему собственно так? Алкоголь – это зависимость, и Данилин всё слабее и слабее сопротивляется этому дурману. И Юрий Иванович в который раз за день решил: если он сегодня выживет, к спиртному больше не притронется.

2

Данилин ходил взад и вперёд по тенистой аллее у здания исполнительного комитета. Лето уже полностью вступило в свои права. Солнце слегка припекало. Несмотря на это, Юрий Иванович был в костюме, при галстуке. Он ждал начала заседания, на котором будет рассматриваться и его вопрос. Сильного волнения Данилин не испытывал, похмелье улетучилось, и он, как всегда, был уверен в себе. Но на заседание пришёл пораньше, как это делал в былые времена, чтобы окунуться в официальную атмосферу и настроиться на неё, пообщаться с руководящим «людом». С некоторыми из них он успел уже переговорить. У каждого были свои проблемы, не располагающие к душевным разговорам, тем более в таком здании, где тебя редко хвалят. Поэтому Юрий Иванович решил прогуляться по аллее. Эта аллея ничем не отличалась от других аллей при исполкомах: голубые ели, цветочные клумбы и районная доска почёта. Возле неё он остановился. На фотографиях было много знакомых лиц. Относительно недавно он, как прокурор района, колесил по колхозным и совхозным дорогам и встречался с трудовыми коллективами, где говорил о криминальной обстановке в районе и области, обязательно ссылаясь на рекомендации коммунистической партии по этому вопросу. В связи с этим многих передовых людей хозяйств он знал лично. Но чаще Данилин ездил по организациям с проверками, чтобы выявить нарушения и привлечь к ответственности виновных. Планы по выявлению нарушений доводились сверху, точнее, они были заложены в самом механизме работы. Если выявлялось меньше нарушений, чем в прошлом году, значит, плохо сработал. Тогда «вызывали на ковёр», «валяли в грязи», «продирали с песочком», «полоскали», «выжимали» и отправляли обратно исправлять недочёты.

Юрий Иванович остановился возле одной фотографии. С портрета смотрел на него директор совхоза. Данилин вспомнил, как проверял в его хозяйстве соблюдение законодательства по охране природы, и невольная улыбка пробежала по лицу. Тогда Данилину было 33 года, и, чтобы смотреться солидно на фоне высокого, седого сорокапятилетнего директора, Юрий Иванович напускал на себя важность, степенность, хотя это было лишним. Выглядел Данилин и на самом деле таким. Кроме этого, Юрий Иванович обладал пытливым, умным взглядом, а в его поведении, движениях чувствовалась уверенность. В то время в совхозе увеличили поголовье свиней, а очистные сооружения дышали на ладан. Прокурору надо было убедиться, что навозная жижа не попадёт в речку и не принесёт вреда окружающей среде и людям. В конце проверки Данилин и директор шли по берегу ручья, вытекающего из отстойника. Директор бодрился и уверял прокурора, что с увеличением поголовья свиней появятся деньги и новые возможности для строительства современного очистного сооружения. Он воскликнул:

– Юрий Иванович! Да Вы посмотрите: даже старое оборудование на очистных работает отлично. В ручье не вода, а мои чистейшие слёзы.

Откуда-то в руках у директора появился гранёный стакан, и он ловко спрыгнул вниз, зачерпнул воды и выпил её.

– Не вода, а эликсир молодости, – руководитель продолжал убеждать прокурора. Снова наполнил водой стакан и протянул его Данилину.

– Спасибо, уважаемый Николай Сергеевич, но я её выпью после того, как проведём исследование.

Подводя итоги проверки и памятуя неординарный поступок директора, Юрий Иванович тогда ограничился предостережением о недопустимости нарушения закона.

С другой фотографии на него в упор смотрел насупившийся главный зоотехник колхоза «Светлый путь». «Судя по тому, что здесь его фотография, сейчас дела у него на подъёме», – подумал Данилин. А тогда ферма с телятами, за которую он был ответственен, представляла жалкое зрелище. В стареньком, тесном помещении содержалось намного больше скота, чем положено. Тяжёлый воздух был настолько резким, что слезились глаза, кругом хлюпала навозная жижа, которая не убиралась неделями. В связи с этим и падёж телят на этой ферме был большой. Вот и нагрязнул прокурор в «Светлый путь» с проверкой. Главный зоотехник тогда лепетал о нехватке людей, денег на ремонт, покупку качественных кормов, лекарств. Так оно и было на самом деле. Но кто-то должен был ответить за падёж телят. Данилин и на этот раз к этой проблеме отнёсся с пониманием. Поэтому к ответственности привлёк как можно больше людей, которые хоть как-то были причастны к гибели скота, чтобы возмещение ущерба не сильно ударило по их карманам. Юрий Иванович также понимал, что вина этих людей незначительна. Основные виновные персоны были где-то выше. Но их в список привлечения к ответственности никто и никогда не включал. Данилин, отойдя от стенда с фотографиями, подумал, что именно такая несправедливость по отношению к простому народу и стала одной из причин его ухода из прокуратуры. Но были, конечно, и другие основания для этого. После успешного окончания юридического факультета он прошёл стажировку в прокуратуре областного центра, где жил до учёбы, потом работал помощником прокурора в глубинке. Его заметили и назначили прокурором района с перспективой дальнейшего роста. Но потом ему объяснили, что он молодой и должен ещё потрудиться на благо страны в другом, более отсталом районе. Опять возникала проблема с переездом, с трудоустройством жены, с привыканием детей к другому садику. Поэтому на семейном совете приняли решение: всё, хватит, государству долг отдали, настало время поработать на себя. Была середина девяностых годов. Зарождался предпринимательский класс. Вот и решил Данилин с женой открыть своё дело. Надо сказать, что прокурора в районе уважали. Главными его качествами были справедливость, объективность, стремление помочь простым людям, попавшим в сложную ситуацию. Преступники тоже не держали на него зла. Арестовывал их всегда после личной беседы, убедившись в виновности. А таких

решений приходилось принимать до ста в год. Поэтому рэкет Юрию Ивановичу не грозил. Дружил он и с партийными и райисполкомовскими работниками. Однажды первый секретарь райкома партии предложил ему возглавить отдел в райкоме. Дело было интересное, и Данилин серьёзно задумался над этим. Но шестое чувство подсказало не принимать поспешных решений. А через год коммунистическая партия развалилась, райкомы закрылись.

Данилины решили начать своё дело с торговли – самой живучей из всех видов деятельности. В центре города пустовало бывшее здание сберкассы. Связи помогли заполучить его в аренду под магазин. Заняли деньги на продовольственные товары, оборудование, разрезали ленточку при открытии магазина – и процесс пошёл.

Торговля оказалась делом выгодным, но непростым. С одной стороны, чем больше товара, тем больше покупателей, и тем больше выручка. С другой стороны, это вызывало интерес контролирующих органов. Юрий Иванович подсчитал: за один месяц его проверили двадцать два раза. Не успели уйти стандарты, как нагрянула санитарная станция, за ней налоговая, ОБЭП. Потом приезжали из областного центра проверять проверяющих и опять шли к нему, и каждый проверяющий обязан был найти какое-нибудь нарушение. Как-то один контролёр пожаловался ему:

– Послушай, Иванович, я тут уже два дня сижу и буду сидеть и дальше, пока не найду нарушение. Иначе мне не оплатят командировочные и лишат премии.

Что поделаешь? Данилин был сердобольным человеком, сам когда-то варился в такой системе, поэтому показал проверяющему документ, в котором «неправильно поставил запятую». Тот с облегчением вздохнул, написал акт и уехал. После этого Юрий Иванович научился незначительные нарушения выставлять напоказ для «облегчения участи проверяющих». Но постоянные «щипания» в итоге вливались в копеечку, и, чтобы её возместить, приходилось действительно кое-что «химичить». Так, товара завозилось больше, чем указывалось в документах. Такой товар всегда был в наличии, как у производителя, так и у оптовиков. Со временем проверяющие научились брать, а Данилин давать благодарственные пакеты.

С тех пор прошло семь лет. Человечество уже два с половиной года жило в двадцать первом веке. Предприятие Данилиных окрепло, открылся ещё один их магазин. К их делу прикнуд двоюродный брат Юрия Ивановича Николай со своей строительной бригадой, которая делала приличные деньги. В итоге предприятие отчисляло в бюджет района солидные суммы налогов, а количество людей, работающих в нём, приближалось к сотне. Удалось выкупить и здание бывшей сберкассы площадью более ста квадратных метров в свою собственность. Правда, не обошлось без трудностей. Как-то придя на работу, Данилин увидел в магазине жену бывшего председателя исполкома. Она ходила по торговому залу, рассматривая стены, потолок. Он хорошо её знал. Когда-то дети ходили в садик, в котором она была заведующей. Поздоровавшись, Юрий Иванович прошёл в кабинет, где главный бухгалтер ему доложила, что эта женщина осмотрела все помещения и сказала, что недолго придётся вам здесь работать. Через некоторое время позвонил директор банка и сообщил, что банку срочно нужны деньги, и он выставляет здание магазина на продажу. Данилин недоумевал: а как же договор аренды, товары, люди? Банкир лишь назвал стоимость здания и указал на месячный срок для его выкупа. Сумма была приличной, но отказываться от магазина, в который вложили много средств и сил, Данилины не собирались. Они влезли в долги, но здание выкупили. Потом стало известно, что на него претендовал бывший председатель исполкома – друг банкира. Но афера не удалась.

И вот теперь Юрий Иванович ходил в ожидании начала заседания райисполкома, на котором будет рассматриваться и вопрос о судьбе его предприятия. Страха он не испытывал. До начала оставалось совсем немного времени, и поэтому Данилин решительно шагнул на «плаху».

Войдя в зал заседаний, Юрий Иванович увидел много знакомых лиц, поздоровался. В ответ услышал редкие, нерешительные приветствия. Кто-то кивнул головой, кто-то взмахнул рукой, кто-то просто улыбнулся. Одно было явно заметно – сочувствие. Данилин понимал, что есть и такие, которые в душе злорадствуют. Но все собравшиеся – а их было человек тридцать – находились под напряжением. Их тоже вызвали не для похвал. Юрий Иванович сел на один из стульев для приглашённых и подумал: совсем недавно его место было за длинным столом для членов исполкома с пометкой «Прокурор». Тогда за этим столом Данилин вершил правосудие над другими. Теперь там сидел человек, назначенный прокурором по его рекомендации, работающий до этого у него следователем.

В томлении все ждали прихода председателя исполкома, который, как всегда, задерживался. Это была своеобразная традиция, дававшая понять, что председатель слишком занят и другими делами района. Юрий Иванович познакомился с ним при печальных обстоятельствах. Тогда умер ветеран войны, кавалер трёх орденов Славы. Председатель пригласил к себе крупных предпринимателей и попросил помочь в организации похорон. Дело было святое. Тем более что Данилин дружил с заслуженным ветераном и часто ездил с ним на рыбалку. Но заявленная сумма помощи явно превосходила разумные пределы. Юрий Иванович не отказал, но предложил компромисс: часть отдаст деньгами, а часть водкой, закуской. На том и порешили.

Председатель ему показался человеком, занявшим не своё место. Кроме нахального напора на собеседника, ничем он тогда Данилина не поразил. Вот и сейчас, когда председатель исполкома вошёл в зал, его вид и манеры поведения вызвали у Юрия Ивановича отрицательные эмоции. Он поздоровался, криво улыбнулся и перешёл сразу к повестке дня.

Первым рассматривался вопрос о заготовке кормов. Юрий Иванович целый час сидел, слушал и думал: из года в год всё те же проблемы. Покосов в районе много, по отчётам, кормовой массы заготавливалось сколько надо, но почему-то к весне скот всегда начинал голодать. Начинался его падёж, вынужденный убой, падали надои молока, уменьшались привесы. Чтобы спасти положение, предприятиям доводились планы по заготовкам зимой еловых веточек. Устанавливалась норма и для прокуратуры. В таких случаях палочкой-выручалочкой были шофёр и техничка, которые «героически ползали» по сугробам в лесу, резали ветки, тем самым спасая бедных коров от голодной смерти. Данилину снова на ум пришло пресловутое выражение «А вот раньше было...»

И он вспомнил детство, деревню на смоленской окраине, неповторимый звон кос, когда его родители вместе с другими рано утром шли косить траву. Первым покос всегда делал крепкий мужик Пайка. Он шёл широко, пятку косы прижимал так, что коса резала траву под корень. За ним звенели косами другие мужики, и, чуть отстав, шли женщины. С косьбы возвращались с песнями. Потом сено на телегах-дрожках свозили в стога. Заготовленных кормов хватало с избытком. Молоко от него пахло мёдом, а не как сейчас – сгнившим силосом.

Первый вопрос подходил к концу. Руководители проштрафившихся хозяйств заверили, что на этот раз будет всё в порядке. Председатель исполкома озвучил следующий пункт повестки дня:

– Вторым вопросом у нас стоит, – и посмотрел на Юрия Ивановича, – информация начальника налоговой инспекции Турановой Елены Фёдоровны о проверке производственно-торгового предприятия «Таргет».

Данилин слегка заволновался и подумал: от этой женщины можно ожидать чего угодно. Ещё накануне она заверяла его, что об этой проверке никто не узнает. И вот тебе – получите и распишитесь. Туранова подняла свои сто двадцать килограммов при среднем росте, посмотрела заискивающе на главу района и дрожащим голосом начала докладывать:

– Пятнадцатого мая налоговым инспектором на складе магазина ПТП «Таргет» была обнаружена партия водки с акцизными марками старого образца, то есть незаконными. В этой связи триста бутылок водки было изъято, и в настоящее время она реализуется через магазин райпо. Вина предприятия заключается в продаже поддельной водки.

Юрия Ивановича передёрнуло: вот куда завернула! Выходит, я травлю народ суррогатом. Председатель исполкома задал вопрос:

– Если водка поддельная, чего же вы отдали её в торговлю, а не уничтожили?

– Леонид Трофимович, мы провели экспертизу, которая показала, что водка произведена на ликероводочном заводе в областном центре. В данном случае лишь акцизные марки не соответствуют действующему образцу. За такое нарушение установлена ответственность вплоть до лишения предприятия лицензии.

После этих слов побагровевшая Туранова тяжело опустилась на стул.

Глава района посмотрел на Данилина и сказал:

– Теперь вы, Юрий Иванович, расскажите нам, как такое могло произойти.

Данилин бодро встал со своего места, окинул взглядом присутствующих и начал «давать показания»:

– Прежде всего, всем хочу сказать, что я в произошедшем не виновен. Водку лично получаю на заводе. Для этого использую свой автомобиль, вмещающий двадцать ящиков. Тот раз я загрузил пятнадцать, в бухгалтерии выписал соответствующие документы. Их впоследствии только ленивый не проверял. По заключению всех контролирующих органов они оказались в порядке. Ящики с водкой я выгрузил на склад магазина, который, как вы знаете, находится под окнами налоговой инспекции. И если бы я знал, что водка «левая», то надо было бы быть полным идиотом, чтобы всю её держать на складе, тем более зная, что предприятие проверяется контролирующими органами двадцать два раза в месяц. Я не хотел говорить, но коль уважаемая Елена Фёдоровна не сдержала своего слова и теперь об этом случае известно многим, я расскажу о некоторых деталях этого дела.

Тогда был поздний вечер. Я заглянул в свой магазин и обнаружил на складе девушку, которую видел пару раз в налоговой инспекции, и незнакомого парня. Девушка мне заявила, что проверяла акцизные марки на бутылках. Акцизы оказались поддельными. Я ответил, что такого не может быть. Но она в спешке сама с парнем вынесла ящики из магазина, не составив ни акта, ни описи. По сути, произошёл грабёж. На следующий день я пошёл в инспекцию, где мне стали давать различные бумаги на подпись. Естественно, я отказался это сделать. Откуда мне знать, может, проверяющие водку подменили. Я пообещал обратиться в суд о возврате товара и о беспределе со стороны инспектора. Тогда Туранова попросила не делать этого и пообещала не давать хода делу, пригрозив, что иначе будет очень много проверок предприятия. Конечно, потеря трёхсот бутылок водки для меня существенно, но я согласился, хотя акты так и не подписал. Елена Фёдоровна слово своё не сдержала. Как вы знаете, об этой истории писали и областные и республиканские газеты. В течение месяца кто меня только не проверял! Даже родная прокуратура и та нанесла визит. Криминала с моей стороны не обнаружено, но всех удивили безграмотные, мягко говоря, действия налогового инспектора. Я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что налоговая инспекция принудила меня купить два прибора в магазины для проверок акцизных марок. Они стоят больших денег, но дело в другом. Когда я попросил образец акцизной марки для сверки, налоговый инспектор усмехнулась и сказала, что это государственная тайна. Хотя, как видите, я должен знать, какие чёрточки нанесены на марку. Получается парадокс.

Все слушали Данилина в полном молчании. Но по лицам было видно, что подавляющее большинство было на стороне Юрия Ивановича. Лишь начальник налоговой инспекции ещё больше покраснела и от смущения стала казаться ещё толще.

– Какие будут вопросы? – нарушил молчание председатель исполкома.

– Я хочу задать пару вопросов Елене Фёдоровне, – в тишине раздался приятный голос заместителя главы района, Нины Ивановны Бурановой. – Скажите, Елена Фёдоровна, какую сумму налогов платит предприятие «Таргет» и как вы отреагировали на действия налогового инспектора?

Туранова, с трудом поднявшись, ответила:

– Инспектор уволился по собственному желанию, а точной цифры налогов я сейчас не помню.

Буранова укоризненно посмотрела на главу налоговой инспекции и сказала:

– О своих крупных плательщиках надо знать всё. Юрий Иванович, напомните сумму налога, перечисленную в бюджет за прошлый год.

– Около ста тысяч долларов, – скромно, но не без гордости ответил директор предприятия.

Среди присутствующих почувствовалось оживление. Никто не ожидал, что какое-то небольшое коммерческое предприятие ворочает такими суммами денег. Председатель в этот раз оказался на высоте. Он серьёзно произнес:

– В данном случае, я думаю, всем всё ясно. Вам, Юрий Иванович, надо быть более внимательным при решении производственных задач. Работайте успешно и дальше. Всего доброго.

Поблагодарив всех, Данилин вышел из зала и с облегчением вздохнул. Он знал, что никаких санкций не последует, но сегодня он отстоял честь своего предприятия и заставил присутствующих посмотреть другими глазами на его деятельность.

4

Проходя мимо кабинета главного архитектора района, Данилин глянул на часы. Циферблат показывал 12 часов дня. Сегодня была пятница. Он дёрнул за ручку. Дверь, чуть-чуть скрипнув, приоткрылась. За столом, уткнувшись в бумаги, сидел его друг Сергей Сёмин. Юрий Иванович знал, что Сергей в данный момент имитирует бурную деятельность, а на самом деле ждёт обеденного перерыва, который означает и конец рабочего дня. Пятница для него всегда короткий день, потому что он сам себе начальник.

Познакомились они в райкоме партии. Обоих утверждали на должности. Данилина – на прокурора, Сёмина – на главного архитектора. С тех пор и завязалась дружба. И как выяснилось потом, в детстве и юности жили в одном городе в России. Сёмин был выше ростом, плотнее друга, носил усы, как у композитора Игоря Николаева и внешне даже походил на него. К тому же Сергей прекрасно пел и играл на гитаре.

– Ладно, заходи, что подсматриваешь. Садись, – Сёмин протянул руку для пожатия. – Слышал, слышал про твои дела. Как прошёл исполком?

Данилин рассказал подробности, поделился впечатлениями от поведения Турановой, потом добавил:

– Я её поставил на место, и мне кажется, она заимела на меня зуб. Но надоело быть всегда добреньким, что-то умалчивать, прощать несправедливость. Иначе из тебя совяют веревку, на которой же и повесят при первом отказе удовлетворить чью-то очередную наглую прихоть. Надо не бояться показывать клыки, а когда потребуется, пускать их в дело.

– Да, не очень приятная особа. Чтобы спасти свою шкуру, она готова на всё. Между прочим, работники исполкома её предупреждали не трогать тебя, поскольку это может плохо закончиться для неё. Но, я смотрю, ты Ленку пожалел.

– Не совсем, Сергей. Я ведь всегда могу вернуться к этому вопросу, и она об этом знает. А пока пусть её непорядочность будет на её совести. Ладно, хватит о делах. Ситуация требует расслабления. Ты за?

– Впереди выходные. Я традиции не нарушаю, и начнём, как всегда, с ресторана «Вишенка».

Юрий Иванович по телефону доложил жене о результатах дела и сказал, что задержится в исполкоме ещё на какое-то время. Друзья уходили поодиночке, чтобы не вызвать подозрения об их намерениях.

Так называемый ресторан «Вишенка» находился за райисполкомовскими гаражами в вишнёвом саду, оставшегося от переселённых в другое место хозяев. Пройти туда можно было через заброшенные, ржавые автомобили, старые крыши и другую рухлядь. По пути друзья взяли две бутылки вина, хлеб, колбасу, кильку в томатном соусе, одноразовые стаканчики и пробрались в сад. В нём возле задней стены гаража стоял деревянный стол со стульями, лавкой, пенками, рассчитанный на большую компанию. Кругом было красиво и уютно. Семь вишнёвых деревьев каждую весну дарили посетителям необыкновенную красоту, головокругительный аромат, а потом, летом, прекрасный десерт под вино. Бомжи и пьяницы сюда не заглядывали. Здесь расслаблялся другой контингент: бывшие и настоящие руководители предприятий. Сюда приходили бойцы правоохранительных органов. Здесь был другой, параллельный мир со своим уставом, понятием о жизни. А муравьиная суета оставалась там, по ту сторону гаражей, за пределами вишнёвого сада, где кто-то из них пытался что-то делать, чтобы жить достойно.

Юрий Иванович, налив вина в стаканчики, предложил:

– Давай выпьем за честных, порядочных людей. Их всё-таки больше среди нас. Я в этом убедился ещё раз на заседании исполкома.

Друзья чокнулись, выпили, закусили и Юрий Иванович спросил:

– Серёга, что вы решили насчёт усыновления?

Данилин знал, что жена друга так и не смогла родить ребёнка, и она уговорила мужа взять из детдома девочку.

– Собрали все необходимые документы, но этим занимается Аня.

– Молодцы, хорошее дело задумали. Кому как не вам дать ребёнку возможность наслаждаться счастливым детством.

– Это полностью инициатива и заслуга Ани, – Сергей смущённо улыбнулся, давая понять, что этот разговор ему не очень приятен.

За гаражами послышались голоса, а потом в саду появилась компания из трёх знакомых парней – предпринимателей. Они развозили по деревням комбикорм и ещё Бог знает, что.

– Давайте к нам, – Сергей помахал им рукой.

Ребята имели при себе солидный запас вина. Посетители вишнёвого сада принципиально пили только его и категорически были против других спиртных напитков. Считали, что они пагубно влияют на здоровье. Но порой от вина дурели больше, чем, например, от сорокоградусной водки.

Когда разговор о положении предпринимателей в обществе, о политике пошёл на повышенных тонах, Юрий Иванович, сославшись на усталость от заседания исполкома, поторопился домой. Выйдя на центральную аллею парка, Данилин подумал: вот идёт он такой красивый, при галстукке, кажется, не дурак, но что-то не так делает в этой жизни. Может, зря ушёл из прокуратуры. Смотришь, дослужился бы до прокурора области. Правда, если бы дожил. Вспомнились несколько коллег, которые преждевременно ушли из жизни. Нет, там надо иметь железные нервы, каменное сердце и, может быть, чёрствую душу. У него, очевидно, другой путь, и он уверен, что небеса намечают каждому человеку лишь штрихи его пути с предполагаемыми пороками, соблазнами и возможностями достичь счастливых вершин. И уже сам человек эти штрихи превращает в дорогу жизни, содержание и длина которых зависит от целей и желаний человека развивать свой ум, силу воли, бороться с ленью и другими пороками, мешающими продвижению вперёд. А что он делает на своей дороге? Очень мало. Ему должно быть

стыдно, что после каждой нервотрёпки он бежит в вишнёвый сад и ищет там в вине и компаниях какую-то защиту от несправедливости. Путь в бизнесе тоже не лёгок. Сколько хлопот доставляют бесчисленные проверки! Каждый проверяющий норовит тебя унизить. Большинство из них ждёт благодарности в пакетах. Но всё равно начисляют какую-то сумму для возмещения несуществующего ущерба для государства. Им пытаешься объяснить: господа хорошие, что же вы делаете? Предприятие открыто за свои, а не ворованные деньги, даёт работу людям, платит достойную зарплату, отчисляет налоги. Что же вам ещё надо? Снять последние штаны? А может, плюнуть на всё и уйти в теневой бизнес? Вон как знакомые «поднялись» на спирте, левой водке, перепродаже автомобилей. Их почти никто не ловит. Они ведь не зарегистрированы как предприятия или индивидуальные предприниматели, и с ними опасно связываться, да и зачем. Ведь есть такие, как Данилин, и их без страха можно постоянно «доить» и получать премиальные. Очевидно, начал процветать государственный рэкет. Хоть преступники не трогают, и на том спасибо судьбе. На данном этапе жизни с этого пути пока сворачивать нельзя. Надо еще два года финансировать учёбу Игоря в технологическом университете. И у дочери неизвестно, как сложится жизнь. Да, пахать ему ещё, пахать. И Юрию Ивановичу стало стыдно за сегодняшнее расслабление в кругу друзей. Опять жена будет ворчать. Можно, наверное, было обойтись без вишнёвого сада. Но тогда где и с кем поговорить по душам, снять нервное напряжение? Какое-то неприятное ощущение вдруг вспыхнуло у него в душе. Мелькнула мысль: ведь расслабления становятся всё чаще и чаще. Похоже, Сергей этим занимается почти каждый день, и что-то неладное творится у того в душе. Вино ударило в мозг и поплыло тёплой волной. Данилин принял решение вернуться в вишнёвый сад и ещё раз поговорить с другом об их проблемах.

Сёмин был всё ещё там. По негласному правилу, он считался главным в «Вишенке». Прежде всего из-за того, что банкетный стол стоял у стены его служебного гаража. И в ненастье и в сильный мороз всё застолье перемещалось к нему в гараж. Ну и потом, Сергей был самым частым посетителем вишнёвого сада, и по рангу на спиртное он почти не тратился. Домой не спешил. Хотя для друзей Сергей с Аней были по-прежнему как два берега одной реки, но река их стала в последнее время беспокойной. Она всё сильнее и сильнее размывала берега, отдаляя их друг от друга. Семьи не получилось. Не было её главного связующего звена – детей. Затея жены усыновить девочку для Сёмина означало полнейшим разрывом отношений. Он просто не хотел воспитывать чужого ребёнка, когда сам ещё мог завести своего, пусть даже и от другой женщины. Но время уходило. Он давно разменял сорок пять лет, всё сильнее затягивали ароматы вишнёвого сада, и Сергей смирился с судьбой, решив: пусть будет что будет. Он согласился с решением Ани об усыновлении, но менять в своей жизни ничего не собирался. На его жизненной дороге зафиксировался один маршрут: квартира – работа – гараж с вишнёвым садом – блуждание по знакомым, друзьям – и поздно вечером снова квартира. Сергей Сёмин терял цель в жизни, а значит, и смысл в ней. Но было у него одно свойство: он никогда не напивался до потери сознания. Про таких говорят – умеют пить. И сколько бы он ни выпил, по внешнему виду трудно было определить, пьян он или нет. Сёмин всегда был в курсе всех событий, поскольку вишнёвый сад «аккумулировал» все новости района и города.

Юрий Иванович всё это знал, как знал и то, что его друга дома всё ещё ждет жена Аня. Хотя она смирилась с равнодушием и поздними приходами мужа, но пыталась спасти семью. Ведь они так любили друг друга! Аня была стройной, симпатичной женщиной. Лишь большой, прямой нос не вписывался в её лицо, но огромные голубые глаза компенсировали все другие недостатки. Аня хорошо помнила, как Сергей пел ей песни под гитару и говорил, что наша жизнь будет как песня.

Данилин не заметил, как оказался вновь за столом в прежней компании и выпил стакан вина. Он посмотрел на Сергея и подумал: неужели жизнь сломала его, и он уже не поёт жене песен. Сегодня разговора о семейных ценностях не получится. Его друг рассуждал о высоких

материях, витая где-то в облаках, и спустится ли он когда-либо на землю, неизвестно. Вдруг Юрию Ивановичу стало плохо. Его обдало холодным потом. Замелькали мысли: а он-то сам куда катится? И ноги его понесли из вишнёвого сада прочь. Оказавшись на аллее, Данилин почувствовал, что хмель ещё сильнее забродил в голове.

5

Юрий Иванович, когда был навеселе, любил бродить по городу, «цеплять» знакомых и заводить с ними философские разговоры. «Градусы» превращали его в философа и чрезмерно общительного человека. Вот и сейчас, после бегства из так называемого ресторана, он шёл по тротуару и не знал пока, куда податься. Душа требовала общения. Часы показывали четыре дня. Домой рано, на работе жена, да и перед коллективом не хотелось показываться подвыпившим. Для начала он снял галстук и положил его в карман, чтобы меньше привлекать к себе внимания. Но, проходя мимо своего магазина, не удержался, открыл дверь и заглянул вовнутрь. Там милостивая продавщица Зиночка бойко обслуживала покупателей. Жизнь этой женщины нельзя было назвать лёгкой (её муж страдал эпилепсией), но, несмотря на это, она всегда была жизнерадостной и улыбчивой. Поэтому у неё и выручка выходила больше, чем у других продавцов.

– Зина, привет! Как дела? – спросил директор, когда она освободилась. – Доложи обстановку. Кто где? Только тихо.

Зиночка скороговоркой зашептала:

– Ваша жена и главный бухгалтер в кабинете, Таня понесла в исполком какие-то бумаги.

– Хорошо, но ты меня не видела.

Юрий Иванович вышел на улицу. Душа наполнилась радостью. Жена, надёжная и умная женщина, теперь может и без него решать все производственные задачи. Они с Алесей были одноклассниками, и со временем стали походить друг на друга. Красивая, русоволосая, с точёной фигурой и белоснежной, широкой улыбкой, она по-прежнему волновала Данилина. Но Алеся очень не любила пьяных, в том числе и его в таком состоянии и особенно тогда, когда он начинал без умолку философствовать и строить нереальные планы. Она молча уходила в другую комнату, разговоры оставляя на утро, на большую голову. Тогда Данилину казалось, что лучше бы он не просыпался. Алеся могла так вывернуть душу наизнанку, что свет становился не мил. А главное, она говорила правду, которую он сам знал и понимал.

Любил Юрий Иванович посидеть в хмельных компаниях, а потом побродить по городу. В такие дни ноги уносили его подальше от дома и возвращали обратно, когда друзья «вырубались», все питейные заведения закрывались, город пустел. Иногда и сам не помнил, как добирался до дома. Протрезвев, он каждый раз давал слово жене и себе, что не станет больше выпивать. Но проходило время, и душа его опять звала в вишнёвый сад.

Любил Данилин в силу своего весёлого и доброго характера нежно обнять приятную молодницу, похлопать её сзади по приятным округлостям. В трудовом коллективе во главе с женой эту его особенность знали и воспринимали её как неотъемлемую часть натуры. Но зато был Юрий Иванович добрейшим человеком. Ни мата, ни грубого слова от него никто ни разу не слышал. И подлости ни при каких обстоятельствах никому не делал. На собраниях, когда работники поднимали вопрос о повышении зарплаты, всегда мягко говорил:

– Милые женщины, что могу, то даю. Не устраивает – я не держу.

При этом он знал, что более высокой зарплаты при таких условиях работы они не найдут. Продавцы получали определённый процент от выручки, и чем она была выше, тем больше они зарабатывали. Строители тоже получали от объёма выполненных работ. И, надо сказать, текучести кадров не было, особенно среди продавцов. Данилин, конечно, подозревал, что они воруяют понемногу. Об этом свидетельствовали и проводимые раз в месяц ревизии. Но сумма

недостач всегда была в разумных пределах. Жена почти всегда списывала её на убытки. С месяц назад Юрий Иванович решил с ней окончательно разобраться и тогда сказал жене:

– Послушай, дорогая, может уже пора продавцам возмещать недостачу? Я знаю, как и ты, кто из них больше подворовывает.

– Подозрение – не доказательство. Не тебя, прокурора, мне учить, – отреагировала Алеся.

– Тем не менее, надо что-то придумать, чтобы они побаивались. Особенно это касается второго магазина: там продавцы что хотят, то и творят. Мне местные мужики жаловались, что ночью вино продается дороже, чем днём. Мы сами замечали, что цены на некоторые товары завышены, выявляли подставной товар. Быть может, стоит там поменять коллектив.

– Думай, на то ты и директор. Но сначала давай проведём внезапную ревизию сразу после празднования Дня города в июле. Выручка должна быть большой. Мы сравним её с проданным товаром.

– Ты права, и я думаю, что хватит с ними церемониться. Если выявим крупную недостачу, то уволим продавца, которого первым приняли на работу. Так будем разбираться и с остальными. И не надо верить их слезам и заверениям в невиновности. А они умеют это делать очень артистично.

Жена тогда с ним согласилась.

Но сегодня Данилин решил опять погулять. Погода стала портиться. Подул северный ветер, нагоняющий дождевые облака. Юрий Иванович зашёл домой и надел лёгкий плащ. После чего ноги, не посоветовавшись с головой, привели его на первый этаж пятиэтажного дома в центре города, где на правах сожителя директрисы одного из магазинов города жил Борис Бурнович, когда-то работавший председателем районного потребительского союза. На эту должность он пришёл чуть раньше назначения Юрия Ивановича прокурором. Проработав года три, он так и не сжился с уже бывшим председателем исполкома и, как говорят, его «ушли» и вычеркнули из номенклатурного списка, а это означало, что работу надо было искать самому. За два года после увольнения Борис поменял несколько работ. Был коммерческим директором сначала одного, потом другого предприятия в областном центре, вернулся в район, пристроился начальником снабжения на местном консервном заводе. Но опять что-то не пошло. В итоге сейчас он находился в депрессии и вынужденном отпуске. Данилин познакомился с ним в первые дни работы на должности прокурора.

Бурнович пришел в прокуратуру, пригласил его на подведение итогов работы райпотребсоюза за год и попросил выступить перед членами собрания. Юрий Иванович тогда смекнул, что предоставляется возможность на людей посмотреть и себя показать, донести свои мысли до народа. Он прекрасно понимал, что работники торговли – это отдельная прослойка общества. «Понтов» у них было больше, чем зарплаты, но народ относился к ним заискивающе. Данилин знал это не понаслышке. Его жена, когда жили в другом районе, работала юристом в райпотребсоюзе. И волей-неволей ей приходилось ходить в «дефиците», тратя на него последние деньги, чтобы поддержать имидж торгового работника. Взвесив всё это, Юрий Иванович согласился поучаствовать в мероприятии, которое, кстати, прошло успешно. Женщины были в восторге от нового прокурора. Данилину потом доложили, как несколько из них спорили между собой, кто же красивее и умнее, их Борис или Юрий Иванович. Бурнович был высоким, красивым мужчиной, с короткими волнистыми волосами. Он знал себе цену. Его предки были поляками, и ему они предсказывали блестящую карьеру. Но было тогда, а сейчас Борис находился не в лучшем положении. На семейном фронте у него тоже не сложилось. С первой женой, родив девочку и прожив несколько лет вместе, развёлся. Вскоре после этого жена заболела раком и умерла. И вот теперь он сошёлся с другой женщиной, и пока такой союз его устраивал.

Данилин позвонил в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошел в квартиру. Пахло спиртом. За столом в зале сидели Борис и его друг, бывший военный комиссар района Чернов Лёша. Они были друзьями, как говорили, не разлей вода.

Появлению Юрия Ивановича мужчины обрадовались. Борис было приподнялся, но снова сел и сказал:

– Юра, чтобы мне не напрягаться, вот тебе кружка, сходи на кухню и принеси нам спиртика.

Данилин знал, что там, в тридцатилитровом бидоне, этого «добра» полно. Борису его привозили из России по льготным ценам. Когда выпили по стопке, запив водой и закусив солёными огурчиками, Бурнович и Чернов продолжили выяснять:

– Я хочу тебе, Лёша, сказать: может, не надо так наглеть? Ты вчера ночью напугал Тому. Она мне сегодня утром рассказала, что где-то около трёх часов ночи ты пришёл к нам, как привидение, не включая свет, пробрался на кухню, погромел кружкой о бидон и ушёл, не закрыв за собой дверь. А неделю назад пришёл в пять утра, всех разбудил. Наверное, надо спирт перенести на конспиративную квартиру.

– Ну, ты даёшь, Боря! Ты сам мне говорил: «Приходи, Лёша, хоть днём, хоть ночью, дверь для тебя всегда открыта. Бери что надо».

– Говорил, не отрицаю, но не надо уж так буквально воспринимать мои слова.

В их разговор вмешался Юрий Иванович:

– Ладно, господа хорошие, давайте выпьем за дружбу. За то, чтобы у каждого из нас дверь для друзей всегда была открыта. Но злоупотреблять этим мы не станем.

Все выпили. На столе была приличная закуска: колбаски, огурчики, селёdochка, грибочки. Как раз под спирт. Но спирт – жидкость коварная. Сразу до мозгов не достаёт, а потом неожиданно может бац! – и их отключить. Компания об этом знала, поэтому пили маленькими подарочными стопочками.

– Везёт же тебе, Юра! Я живу рядом с твоим магазином и частенько вижу, как твоя жена крутится как белка в колесе. А ты-то сам что-нибудь делаешь? – спросил Борис.

– Главное – организовать, а уж потом можно только бумажки подписывать и девок тискать, – отшутился Данилин.

– Послушай, Иванович, пристрой ты меня к себе на работу. Я буду за тебя бумажки подписывать и девок тискать. Ну и могу связи налаживать. У меня по этой части имеется опыт.

Юрию Ивановичу показалось, что Борис не шутит, и подыграл ему:

– Надо подумать. С твоими связями и данными можно будет какую-нибудь новую деятельность раскрутить.

– Вот-вот, Юра, подумай. А со спиртом я завяжу, ты же меня знаешь.

Алексей слушал друзей и закусывал селёdochкой. Имел он две клички: «полковник», каким и был на самом деле, только в отставке, и «военный». Ему про деньги думать не надо было: получал хорошую пенсию, которую почти всю отдавал жене, а пить старался за счёт других. И это ему удавалось. В районе «военного» знали все мужики и при случае всегда приглашали в компанию. И давно бы он спился, если бы его жена опустила руки. Она всегда отслеживала его передвижения и не давала спуску. А вот в дружбу с Борисом не вмешивалась.

Приняв очередную порцию допинга, Данилин сказал:

– А если серьёзно, то мне работы хватает. Чего только стоило сегодняшнее заседание исполкома. Очевидно, вы в курсе. Мало того, что меня постоянно дёргают власти, я заключаю договоры на поставку товаров, сам езжу на ликёрку за водкой и вином, в санстанции утверждаю ассортиментный перечень, воюю с проверяющими, которые отнимают не только деньги, но и здоровье.

– Да, как говорится, хорошо там, где нас нет, – отозвался полковник и выпил «пять капель». Друзья его поддержали.

Спирт начал делать своё коварное дело: проникать в мозги, разрушать память, заплетать язык, ухудшать зрение. Борис вдруг пожаловался:

– У меня постоянно болит нога, всё труднее становится ходить, да и что-то внутри я себя неуютно чувствую. Наверное, скоро помру...

Данилин сочувственно произнёс:

– Дружище, это от спирта, нам надо завязывать с этим грешным делом. Для начала предлагаю перейти на лёгкое вино и лучше пить его на свежем воздухе, например, в вишнёвом саду. Что-то вы перестали туда заглядывать.

– А нам и здесь хорошо. У нас тут свой вишнёвый сад, и ты знаешь: всё, что связано с исполкомом, у меня вызывает раздражение, – с горечью ответил Борис.

– Если честно сказать, мне самому всё надоело, в том числе и вишнёвый сад. Повторяю, нам надо как можно скорее завязывать с такой жизнью и начать новую, где не будет места бидону со спиртом, – слегка уже заплетающимся языком Данилин подтвердил свою позицию.

– Может быть, может быть, – опять грустно произнёс Борис.

– А мне везде пьётся хорошо, – отозвался полковник.

Юрий Иванович, почувствовав, что начинает сильно пьянеть, решил уйти, чтобы успеть до отключения мозгов добраться до своего дома. Он решительно встал, попрощался с друзьями и, стараясь не шататься, пошёл сдаваться жене.

6

На улице, глотнув свежего воздуха и оставшись наедине со своими мыслями, Данилин опьянел. Коварный спирт проник в мозг и вывел его из строя. Под ногами поплыла земля, окружающие предметы стали неузнаваемыми. Юрий Иванович подумал: успеет ли он доползти до дома, прежде чем отключится? Он сосредоточился, сделал несколько шагов, его сильно повело в сторону, и он, за что-то зацепившись, упал. Потом Данилину показалось, что он поднялся и снова пошёл, но мозг уже отключился от реальных событий. Через некоторое время к Данилину вернулось сознание. Он осмотрелся и не понял, где находится. Кругом стояли незнакомые дома, освещённые слабым светом уличных фонарей. Неужели он в другом городе? И что сейчас: вечер или ночь? Судя по пустынным улицам, скорее ночь. Данилин поискал в карманах телефон, его там не было, как не оказалось и часов на руке. После этого скользнула мысль: надо найти автобусный или железнодорожный вокзал. Он прислушался. Где-то вдали стучали колёса пассажирского поезда. Юрий Иванович пошёл в том направлении. Город ему казался странным. На улицах не было ни машин, ни людей. Лишь слегка мерцали тусклые фонари. Он уже прошёл вторую улицу от начала до конца, но характерных признаков вокзала пока не наблюдалось, стук колёс прекратился. «Бессмысленно идти туда, не зная куда, – подумал Юрий Иванович, – надо дождаться звука следующего поезда». Через некоторое время опять где-то далеко промчался уже товарный состав. Данилин решил идти туда, где ходят поезда. Железная дорога приведёт к вокзалу. И вдруг совсем рядом локомотив дёрнул вагоны, и они по очереди перекликнулись. Юрий Иванович побежал на звук. Он увидел, как последний вагон вот-вот исчезнет за поворотом. И хотя ноги были тяжёлыми и непослушными, он успел ухватиться за поручень и заползти в открытую дверь последнего вагона. Мелькнула мысль: а зачем он это сделал? Ведь он не знал, куда идёт поезд, как не знал, в каком городе он находился. Теперь это не имело значения. Главным было выбраться поскорее из этого странного, мёртвого города. Юрий Иванович стал кричать в пустом вагоне:

– Люд-и-и-и, куда мы едем?

Над ухом прозвучал знакомый голос:

– Выходи, ты уже приехал, а точнее, дошёл до ручки.

Данилин открыл глаза. Возле кровати стояла Алеся с хмурым видом, поджав губы. Он снова закрыл глаза, накрыл голову подушкой и свернулся в клубок. Ему в который раз было

стыдно перед женой за своё поведение. Алеся махнула рукой и вышла из комнаты, думая, что надо делать с такой жизнью и с мужем, которого всё ещё любила несмотря ни на что.

Жили они на третьем этаже в четырёхкомнатной квартире в центре города и в двух минутах ходьбы от своего магазина. Квартиру им предоставили сразу же после назначения Данилина на должность прокурора района. Потом её приватизировали. Алеся была мудрой, терпеливой женщиной и верила, что муж победит свой порок. И делала всё возможное для этого. Иногда, когда он уж слишком задерживался, ходила по улицам, заглядывала в окна, прислушивалась. Каким-то удивительным образом она угадывала его местоположение. Тогда спокойно заходила в компанию, тихо забирала мужа и уводила домой. Данилин никогда не сопротивлялся. На следующее утро ему всегда было стыдно, и он который раз обещал ей не притрагиваться к спиртному. Она опять верила и прощала.

Алеся понимала, что так дальше жить нельзя. Съездила даже к бабушке в церковь в другой район. Так он ей сразу же с порога посоветовал в течение двух ближайших лет поменять место жительства. С тех пор мысль о переезде прочно засела в её голове. До окончания установленного срока оставалось полтора года. За это время предстояло продать квартиру, бизнес.

Алеся была общительным человеком. Мотаясь за мужем, освоила не одну специальность. После окончания технологического университета работала технологом швейного производства на фабрике в областном центре, но, когда мужа переводили из одного сельского района в другой, пришлось освоить профессию товароведа, юриста райпотребсоюза, долго работала главным бухгалтером и даже директором филиала одной из организаций. Везде её уважали за принципиальность, честность и весёлый нрав. Было много у неё друзей и в исполкоме, особенно в экономическом отделе, что благоприятно сказывалось на развитии совместного с мужем бизнеса. Там ей посоветовали стать индивидуальным предпринимателем, что она и сделала. Муж отдал ей ларёк, расположенный впритык к магазину, и прилавок внутри магазина. Она наняла трёх продавцов, и работа закипела. Казалось, что ещё надо. Дети определены. Оба учатся. В настоящее время сын находится на каникулах у матери мужа, а дочь на лето по студенческой программе улетела в США. Вот и осталось только отдаться работе и зарабатывать деньги. Но возникла проблема. Муж стал всё сильнее и сильнее «расслабляться». И она не могла понять, как он, умный, интеллигентный человек, может опускаться до уровня алкоголика. Она ходила по квартире и думала: с этим срочно надо что-то делать. А завтра приезжает свекровь. Опять будет возмущаться, что недоглядела... Отношения у Алеся со свекровью были нестабильными. Они варьировались от хороших до конфликтных. Всё зависело от настроения Галины Трофимовны. Несмотря на свой преклонный возраст, была она подвижной женщиной. В начале шестидесятых годов ей с мужем удалось вырваться из глухой смоленской деревушки и переехать в большой город. А тогда сделать было это не просто. Колхозникам не выдавали паспорта, тем самым привязывая к земле. Но помогли связи. Её отец, который погиб в 1943 году, оставив на выживание вдову с шестью детьми, до войны работал председателем сельского совета.

Это вспомнили друзья и помогли оформить паспорта. В конце семидесятых семья переехала поближе к родине в областной центр в Беларуси, где построили кооперативную двухкомнатную квартиру. С тех пор Галина Трофимовна там и живёт. Муж, Иван Алексеевич, умер в 1985 году. После этого всё свободное время свекровь проводила или у родной младшей сестры Лены или у сына. В последние годы на лето всегда приезжала к ним, но жила не в квартире, а в их доме на окраине города. Там был большой земельный участок, сад, пруд, разная домашняя живность. И она всё лето копошилась в земле и выращивала всё, что можно было вырастить. Иногда уезжала домой, чтобы навестить сестру.

Завтра свекровь приедет от Лены к ним. Алеся подумала, что это не самый желанный гость. Характер у свекрови был вспыльчивый. И она на ровном месте могла закатить скандал, начиная с мелочей, а потом распаяясь всё больше и больше. Хватала сумку, хлопала дверью

и уезжала домой. Но на следующий день звонила или приезжала к ним, как ни в чём не бывало. Алеся и Юрий Иванович знали причину таких вспышек гнева. Прежде всего, Галина Трофимовна считала, что ей мало уделяется внимания. Если она уж приехала, то все должны перед ней ходить на цыпочках. Она иногда упрекала сына, говоря:

– Я вам последнее отдаю, а отдачи не вижу. Куда у вас деньги уходят? Вон Николай уже вторую машину купил, ни в чём себе не отказывает.

Сын пытался ей объяснить, что деньги идут на учёбу детям, развитие предприятия. А Коля хорошо устроился под его боком. Не отвечает ни за проверки, ни за ведение документов, никогда не дал денег для проверяющих и за ведение бухгалтерии тоже материально не отвечал. Юрий Иванович всегда ей напоминал историю с другим родным братом Николая, Виктором. Всего у сестры Лены было пятеро детей: четыре сына и дочь. Виктор был средним. Вначале предпринимательской деятельности Данилин предложил Виктору организовать совместное производство тротуарной плитки. Место было подходящее – край города. Рядом жили остальные братья и сестра. Юрий Иванович выделил деньги на закупку оборудования, сырья. Сам съездил в Польшу за формами для плитки. И дело пошло. Первую партию плитки купил предприниматель из России. За вырученные деньги Данилин решил возместить затраты. Но Виктор в истерике потребовал их себе на ремонт машины. Пришлось отдать. С деньгами, вырученными за следующую партию товара, произошло то же самое. И однажды, когда Юрий Иванович сказал Виктору, что выручку забирает себе, началось самое неприятное. Выбежала его мать Лена и закричала на всю улицу, что, мол, нам директора не нужны, мы сами себе хозяева. Кричала и о том, что это их территория и чтоб её Витеньку больше не беспокоили. Данилин пытался что-то объяснить, но его слова утонули в потоке брани и оскорблений. Он махнул рукой и уехал. Потом долго пришлось латать дыры. Данилин понимал, что Лену элементарно съедала чёрная зависть: Юрку все зовут по имени-отчеству, он окончил университет, работал прокурором. И теперь он командует её детьми. Для неё это было хуже смерти, и каждый раз настраивала сестру против сына. Говорила, что он не уделяет ей внимания, деньги тратит неизвестно куда, попивает и вообще они голодранцы по сравнению с её детьми. Вот Галина Трофимовна и приезжала к сыну почти всегда с таким настроением и срывала на нём и на невестке злость, обвиняя их во всех грехах.

Алеся ходила по квартире, размышляя об этом, и приняла окончательное решение переехать в областной центр и начать там новую жизнь.

7

После того как Данилин утром увидел перед собой жену и понял, что находится дома, он снова заснул на часок. Теперь он просыпался в мучениях моральных и физических. Трещала голова, в ушах шумело, сердце работало на пределе, мысли путались, мелькая одна за другой: и зачем он пил спирт вчера, да и зачем вообще пьёт? Удовольствия от этого он уже не получал, а вреда хоть отбавляй для здоровья и для отношений с близкими. Он лежал и не шевелился, боялся, что вернётся жена, и начнётся её старая песня о пропащем человеке. Может, он уже и есть такой? Всё, надо покончить с такой жизнью. Сколько его молодых собутыльников отправилось уже на тот свет! Совсем недавно их частенько можно было встретить в центре города, невозможно было пройти, чтобы кого-нибудь да не зацепить. И где они теперь?

Данилин вспомнил, как два месяца назад пел хмельные песни за столом вместе с Петром, в молодости кандидатом в мастера спорта по боксу, и тот ему хвастался, что пьёт уже двадцать лет день в день и на здоровье не жалуется. И струя мочи у него, как у пожарного шланга под давлением, что свидетельствует о прекрасном состоянии организма. Но на днях он вовремя не опохмелился, и сердце его остановилось. А ведь хорошим был человеком.

Юрий Иванович решил: всё, с сегодняшнего дня он не пьёт! Немного подумав, уточнил для самого себя, что если выпьет больше трёх стопок за хмельное мероприятие, то пусть он лучше умрёт. В мозгах у Данилина что-то щёлкнуло, он испугался такого зарока и подумал: как же теперь он будет без вишнёвого сада, посиделок у Бурновича, «полковника», без других мест, где его душа отдыхала? Но клятва произнесена, отступать поздно.

Юрий Иванович встал, умылся, прошёл на кухню. Жена готовила завтрак. Он знал, что она первая не заговорит. Выпил литр молока и объявил:

– Радость моя! Это была моя последняя пьянка. Я дал себе зарок. Прошу: сейчас только мне ничего не говори. Давай поживём, посмотрим, что из этого получится.

Алеся уставилась на мужа, хотела было наброситься на него и облегчить себе душу, но, почувствовав искренность в его словах, заплакала и не проронила ни слова. Данилин лишь смог добавить:

– Всё будет хорошо.

Заиграла мелодия входного звонка. Приехала Галина Трофимовна, и с порога сразу прозвучало:

– Ну, что у вас тут опять?

Юрий Иванович понял, что мать снова не в духе.

– А что у нас!? У нас всё нормально.

– Что-то, я вижу, не совсем, опять, наверное, вчера пил. Всё, я решила больше вам не дам ни копейки.

– Начинается! Наверное, Ленка опять гадостей наговорила, и ты теперь приехала злость на нас срывать? В таком случае отправляйся на дачу к своим грядкам и сиди там.

– Всё ясно! Я вам не нужна, постоянно гоните меня. Всё, поеду обратно домой, и больше ноги моей у вас не будет, у голодранцев, а похоронят меня Ленкины дети.

Юрий Иванович понял: голодранцы – любимое слово сестры матери. От его тётки она и на этот раз приехала на взводе. В такой ситуации следовало бы промолчать и уйти на работу. Но мать была как будто зомбирована сестрой. И теперь, чтобы хоть как-то достучаться до разума матери, необходимо терпеливо ещё раз всё объяснить. Главное, не сорваться на крик. Сын в который раз начал объяснять, куда деваются деньги, как они зарабатываются:

– А ты знаешь, мама, что у нас два студента в доме, которым надо достойно жить, одеваться, отдыхать. Платим за их учёбу. А на какие деньги построен двухэтажный дом, где ты проводишь время, как в раю, в кругу подруг? В центре города купили ещё один дом с садом и цветочками, и, главное, нас все уважают, кроме твоей Ленки и, похоже, тебя. И поверь мне, если ты не дай Бог умрёшь, хоронить они тебя не будут. Они за копейку удавятся. И мой тебе совет: не ездь ты на этот хутор – рассадник зла. Там друг друга ненавидят, в том числе и нас с тобой. Чуть что не так сказала – и тебя оттуда гонят. Но проходит время, и ты снова туда едешь. А потом нам жизни не даёшь. Скажи, что я сделал для тебя плохого? На всех курортах, во многих санаториях Советского Союза побывала. Работу на пенсии в городе тебе нашёл. До шестидесяти пяти лет кнопки лифта нажимала, общаясь с хорошими людьми. Сколько новых друзей появилось! И сейчас тебе здесь созданы все условия для жизни. Живи и радуйся. Единственное, чем ты меня можешь упрекнуть, это тем, что иногда выпью с друзьями. Но этот период в жизни пройдёт. А чувство любви не обязательно проявлять сюсюканьем. Ты знаешь, мне это не нравится. Есть много других признаков проявления её, но ты почему-то их не замечаешь.

Мать успокоилась, молчала. Сын продолжил:

– Мы сейчас уходим на работу, а ты хоть здесь оставайся, хоть иди на дачу. И давай друг другу не будем трепать нервы. Сколько той жизни! Она и так трудна. А за обиды прости.

Данилины вышли на улицу. Погода была чудесной. По небу плыли причудливые ватные облака, сквозь которые иногда проглядывало солнце. Но на душе у Юрия Ивановича скребли кошки. Он ещё никак не мог отойти после вчерашнего спирта, разговор с матерью не добавил душевных сил, и его любимая жена Алеся молчала. В растерянности Данилин подумал: неужели во Вселенной мы одни? Для чего дана жизнь на Земле? Для мучений, страданий? К религии он относился нейтрально, но рад был своей причастности к православному христианству и считал, что человек должен верить в какую-то высшую справедливость, воплощённую в Боге или ещё в какой-то силе. Он посмотрел на небо, и странные мысли, обращённые к Богу, возникли в голове:

– Господи, прости меня за дерзость, но прошу Тебя обратить взор на планету Земля. Быть может, сейчас Ты занят благими делами и борьбой с Сатаной в других обителях жизни Вселенной, но созданная Тобой земная жизнь требует незамедлительного вмешательства. Господи, я прошу тебя об этом, поскольку еще сам не совсем погряз в грехах и на Земле есть много таких же людей. Я грешен в повседневной жизни, но мой грех не замешан на подлости, лжи, трусости, тщеславии, гневе. Я никогда не был доносчиком, но душа моя страдает от несправедливости, творящейся на Земле, и я хочу, чтобы это страдание было тобой услышано. Я себя могу пока еще отнести к людям, которые стремятся руководствоваться принципами справедливости, честности, но мне все труднее и труднее удержаться от того, чтобы самому не начать его творить. Земля превращается в ад. Зло, как сорняк, стремительно разрастается по ней. Сатана все более и более овладевает разумом людей. Господи, спаси оставшихся праведников от искушения злом, не доведи их души до критического состояния, когда уже ни разум, ни Твоя воля не остановят их отвечать злом на зло. А что тогда? А тогда, когда Ты обратишь свой взор на Землю, Ты своею волей по примеру Содомы и Гоморры заставишь людей испытывать самые страшные страдания. Но есть на Земле люди с чистыми душами, которые верят в торжество справедливости, доброты. И я прошу Тебя, Господи, пошли им возможность попасть в Эдем и попробовать плоды с Древа Жизни, чтобы праведники становились бессмертными и плодили себе подобных. Тогда зло само себя уничтожит. Я прошу Тебя, Господи, всех людей, претендующих на руководящие посты в обществе, пропускать через горнило обновления души, чтобы у них не возникало даже мысли навредить человеку, природе. Господи, помоги заблудшим людям на Земле избавиться от войн, разврата, подлости, унижений, спасти страдающих от болезней и голода детей, вернуть на путь истинный людей, погрязших в чванстве, невежестве, в незаконном обогащении. Господи, прошу Тебя простить человека за то, что он сам за тысячелетия так и не смог превратить Землю в обитель совершенной жизни, а, напротив, сделал ее местом мучений и страданий. Господи, прости и помоги.

– Опустись на землю, – Алеся дёрнула мужа за руку, – нас ждёт важная встреча, пойдём работать.

Юрий Иванович очнулся и вошел вслед за женой в магазин. Ему вдруг стало легче на душе и физически.

9

Главный магазин Данилиных «Стор» находился на пересечении двух улиц. Рядом были банки, универмаг. Через дорогу постоянно хлопала дверь хлебного магазина. А с тыльной стороны раскинулся городской рынок с сотней палаток, контейнеров, ларьков. Так что, хотел народ этого или нет, но в «Стор» заглядывал. В глаза сразу бросался обширный выбор спиртного и мясных изделий. Дальше шла мелочёвка: от жвачек, шоколадок до всевозможных сортов чая, кофе. Был в магазине и косметический отдел. А индивидуальный предприниматель Алеся Алексеевна, арендовавшая прилавок, торговала овощами и фруктами. Люди без поку-

пок не уходили. Тем более что продавцы, чья зарплата зависела от выручки, очень старались угодить покупателям. Один имелся минус, но в нём был виноват сам Данилин. Начальник налоговой инспекции Туранова подыскивала для инспекции новое помещение, и Юрий Иванович без задней мысли подсказал ей, что в закрывшейся гостинице, расположенной напротив его магазина, есть свободные комнаты на втором этаже. Туранова сразу же их оформила во владение, и через месяц её инспекторы во главе с ней уже любовались красивым видом магазина «Стор».

Была суббота. Поставок товара не ожидалось, но предстояла интересная встреча со знаменитым человеком, олимпийским чемпионом Владимиром Яровским. Однажды он с двумя братьями приезжал в город и хотел решить вопрос по производству и поставке хлеба. Но что-то тогда с руководством района не договорились. Яровский заглянул в «Стор», и Юрий Иванович сразу его узнал, сказал ему об этом и вспомнил, как все болели за него на олимпиаде и восхищались им. Владимир познакомил Данилина со своими братьями, и разговор продолжился в кабинете Данилина в присутствии Алеси. Яровский тогда предложил торговать их хлебом. У его брата Сергея в России имелся свой хлебозавод, и он мог бы раз в неделю поставлять в магазин машину продукции. Идея эта всем понравилась. Более того, договорились, что Юрий Иванович утрясёт все вопросы с властями и санитарной станцией, заключит договор с местным хлебозаводом для прикрытия, а торговать хлебом будет Алесья как индивидуальный предприниматель, через свой прилавок.

После этого события прошёл месяц. Все пункты договорённости были выполнены, и Алесья Алексеевна уже неделю торговала местным хлебом. Об этом по телефону было доложено Яровскому, и на сегодня договорились о встрече.

Три брата в назначенное время зашли в кабинет. Встретились, как старые друзья. Владимир сказал:

– Прилавок мы видели, давайте посмотрим склад, подъезд для машин.

Алесья на правах хозяйки провела экскурсию по магазину. Братья остались довольны.

– Всё прекрасно, можно заключать договор. В следующую субботу я привезу первую машину хлеба, – сделал заключение Сергей и достал все необходимые документы.

Пока Алесья и Сергей возились с бумагами, Владимир рассказывал о своей жизни. Скучать ему не приходится. Тренирует молодёжь, ездит по России, участвует в различных мероприятиях и тоже занимается бизнесом. Данилин предложил выпить за сделку по сто граммов коньяка. Но братья согласились только на сладости и чай.

Когда Яровские уехали, Юрий Иванович сказал жене:

– Надо как-то осторожно сделать рекламу новому товару.

– Я попрошу продавцов оповещать покупателей о субботней его поставке.

– Так и сделаем, а теперь домой, обедать, и надо мать навестить на даче.

Данилин понял: жена на него больше не злится.

10

На дачу Данилины поехали на машине, хотя до неё двадцать минут ходьбы и можно было бы прогуляться. Но набрали продуктов для матери, и, как всегда, Алесья набила багажник разными якобы нужными вещами. Эта «нужная» рухлядь годами скапливалась на чердаке и ни разу ещё не пригодилась. Юрий Иванович давно уже с этим смирился, но по привычке все равно всегда ворчал на жену.

Ездили Данилины на небольшой японской машине «Мицубиши», которая за пять лет перевезла вагоны товаров и серьёзно за это время не ломалась. Весь город знал про неё две истории, рассказанные Юрием Ивановичем неоднократно в вишнёвом саду. Данилин поехал первый раз на ней на завод за водкой, которую отпускали по великому благу. Блат такой

у Данилина был в лице генерального директора. Когда-то нынешний генеральный управлял в его районе сельским хозяйством. Так вот тогда от жадности Юрий Иванович выписал двадцать ящиков водки. Грузчики выкатили их, поставили перед машиной и с ухмылками стали подтрунивать над Данилиным, что, мол, машина его, наверное, резиновая, и предложили тележку сзади подцепить. Юрий Иванович поспорил с ними на две бутылки водки, что засунет в машину, которая выглядела меньше «Жигулей», все двадцать ящиков, хотя сам не уверен был в успехе. Но японцы оказались на высоте. Вместимость машины, с учётом сложенных сидений, составила двадцать два ящика. Когда Данилин загрузил последний ящик, все грузчики и собравшиеся зеваки дружно присвистнули. Один из них призвал скинуться на проигранную водку. Юрий Иванович снисходительно простил проигрыш, но попросил следующий раз произвести загрузку вне очереди. Все с радостью согласились.

Следующая история была связана с селёдкой. Три раза в месяц Данилин на «Мицубишке», как он её называл, гружённой тремя двухсотлитровыми бочками с селёдкой, полз почти на днище через пост ГАИ, возвращаясь с рыбной базы. Инспектора непременно его останавливали для формальной проверки документов, но на самом деле, чтобы в очередной раз посмотреть на чудо японской техники и облегчить её вес на пару рыбин.

Рассказывая эти истории, Юрий Иванович всегда добавлял: Как видите, нелёгкий труд предпринимателя».

На даче Галина Трофимовна энергично пропалывала грядки. Увидев сына и невестку, она, как будто не было утреннего разговора, довольно проговорила:

– Посмотрите, какую я красоту навела на грядках, ни одной травинки не найдёте. Всё растёт как на дрожжах.

Прибежала к ним и вся дачная живность в ожидании угощений. Данилины на участке развели целый птичий зоопарк. Птиц держали ради красоты и яиц. Все пернатые здесь жили до старости и умирали естественной смертью. У их ног крутились куры: лохматые, мохнатые и с хохолками. Тянули шеи и гоготали гуси, хлопали крыльями и глухо крякали индоутки, в сторонке боком похаживал индюк, охраняя двух своих подруг, и среди больших и важных птиц путались маленькие декоративные курочки. Ну как не угостить такую красоту! Алеся развела всех по своим местам и раздала корм. Потом все втроём воевали с колорадским жуком и окучивали картошку: Юрий Иванович запрягся в плуг, а Алеся управляла им, подгоняла палкой, чтобы не сачковал. Отдыхали все вместе на берегу живописного пруда с лилиями и кувшинками среди яблонь и вишен, уплетая за обе щеки вкусные бутерброды, приготовленные матерью. За лозовыми зарослями и березняком блестело озеро. Глядя на эту красоту, Данилин подумал: жизнь прекрасна и не так безнадежна, как казалась она ему ещё утром.

Уже дома Юрий Иванович сказал жене:

– Жаль будет продавать дачу. Сколько вложено труда и души в неё! А как мать перенесёт это, когда узнает о нашем решении.

– Ты же знаешь, у нас нет другого выбора. Мы собрались переезжать, значит надо всё распродавать. И начнём с этой дачи.

– Ты права, и надо уже начинать присматриваться к недвижимости в областном центре. Для нас идеальный вариант – дом на берегу реки. Но главное, правильно и выгодно продать бизнес. Надо найти такой вариант, чтобы всё было официально по закону, но без удержания налога. Я подумаю, как это сделать.

Вечером Данилину на домашний телефон позвонил его друг по охоте и рыбалке Вова, по кличке Буравчик. Такое прозвище ему было дано неспроста, в связи с непоседливой натурой. Основная его работа – свободный каменщик. И надо отдать ему должное, кирпичную кладку он делал идеально. А в свободное время зимой пропадал на охоте, летом на рыбалке. В трубке Данилин услышал знакомый с хрипотцой от ветров, холодов и постоянного алкоголя голос:

– Иванович, давай завтра махнём на рыбалку, – без прелюдий предложил он. – Завтра выходной. В мою компанию уже записались Генка и Витёк.

– А Витёк, это тот, который живёт за речкой?

– Да, он с нами пару раз охотился.

– И я, конечно, за рулём, а вы будете вместо рыбы бутылки охлажденные вылавливать?

– Не без этого, зато я покажу тебе отличное место, где рыба сама на берег выпрыгивает.

– Подожди минутку, сейчас посоветуюсь с женой.

Данилин рассказал Алесе о разговоре. Та отмахнулась, делай мол, что хочешь, только не пей.

– Ладно, Вова, давай съездим. Во сколько вас забирать?

– В пять у меня.

– Хорошо.

День закончился. Он был насыщенным и плодотворным. Ночью Данилины спали вместе как муж и жена, которые не представляли жизнь друг без друга.

11

В шесть часов утра рыбаки были уже на озере. Пока Данилин накачивал резиновую лодку, чтобы забросить донные удочки с резинками, Вова, Генка и Витёк выпили по стаканчику вина за удачу. Юрия Ивановича от этого зрелища передёрнуло и замутило. Он подумал: может, зарок действует.

Рыбалка началась успешно. Рыба действительно клевала хорошо. Попадались лещи до полутора килограммов. Через три часа Данилин у донок остался один. Остальные «рыбачили» на берегу у костра. Юрий Алексеевич прислушался. До него долетели слова Вовы:

– Моя Надя – золотая женщина. На её плечах трое детей, а делать успеваешь по дому всё. А как готовит! Пальчики оближешь. Кроме семьи, её ничто не интересует.

Данилин подумал: Вова в своём репертуаре. Когда выпьет, начинает расхваливать свою жену, восхищаться ей.

– А ты уверен, что она такая святая? Никому нельзя доверять полностью, – возразил дважды разведённый Генка.

– Что ты этим хочешь сказать? Что моя Надя может сделать что-то во вред семье? Ты это хочешь сказать? – Вова начал распалиться.

– Я просто хотел сказать, что нельзя верить даже самому себе.

– Нет, ты с умыслом это сказал. Ты меня и её обидел и оскорбил.

Юрий Иванович понял, что надо вмешаться и поменять тему для разговора.

– Эй! Горе-рыбаки, тише, рыбу распугаете. Смотри, смотри, Гена, у тебя на донке клюёт. Беги быстрее.

Генка скорее инстинктивно, чем по желанию сорвался с места и побежал к рыбацким снастям. Вова и Витёк выпили и переключились на другую тему.

В час дня вся компания сидела за столом на кухне в доме Вовы. Красавица Надя, воплощение женственности, добавив ещё котлет в тарелку, тоже присела к мужикам. Вова начал было снова её расхваливать, но она его перебила:

– Я завтра поеду в деревню к детям. Звонила мать, ей что-то нездоровится. Оттуда буду ездить на работу. А ты пока здесь один поживёшь.

Вова удивлённо на неё посмотрел. Что-то в его взгляде изменилось. В глазах исчез блеск. После этого все притихли и стали расходиться. На улице Вова придержал Данилина за руку и сказал:

– Я чувствую, что что-то неладное происходит в нашей семье. Надя странно ведёт себя, а я боюсь с ней откровенно поговорить, боюсь остаться один. Может, ты, Иванович, со своим авторитетом побеседуешь с ней и выяснишь в чём дело.

– Вова, я по себе знаю, дело в нас, мужиках. Несмотря на бесконечную выносливость, терпеливость, женщина очень хрупкое создание, и ей нужна рядом крепкая мужская опора, а не пьяная мумия. Извини за откровенность. Но иногда я сам таким бываю. Нам надо меняться. А поговорить с ней, я поговорю, может быть, завтра.

Юрий Иванович приехал домой и отчитался перед женой о рыбалке, рассказав и о Вове. Алеся лишь воскликнула:

– Пьянки ещё никого до добра не доводили. Сколько из-за них загублено семей! И Вову ждёт то же самое.

– Я всё-таки поговорю с Надей.

– А может, ты лучше своей семьёй серьёзно займёшься?

– Вы у меня на первом плане.

– Верится, но с трудом.

– Верьте мне, люди, и всё будет отлично, – Юрий Иванович нежно обнял жену. – А кто же у нас рыбку будет чистить?

Алеся молча указала ему пальцем в сторону кухни, а сама включила телевизор и уселась удобно на диване.

12

Говорят, понедельник – день тяжёлый. На этот раз Юрию Ивановичу он не показался таким. Он не был с похмелья, с матерью и женой отношения наладились. В голове была ясность, и хотелось жить и творить добро для родных, других людей, страны. До него дошло осознание того, что он начал новую жизнь, и слава Богу, что в пьяном угаре не натворил бед. Очевидно, Всевышний всё ещё его оберегал. Но самыми главными оберегами Данилин считал родных людей, живущих рядом с ним: мать, жену, детей. Все они в той или иной степени боролись за его трезвый образ жизни. Он с содроганием вспомнил, как совсем ещё недавно ему было страшно просыпаться по утрам. Он осторожно открывал глаза и глядел на стены. Узнав их, облегчённо вздыхал, что спал дома. А потом начинались мучительные воспоминания: где был вчера и с кем пил? Половину событий не помнил. И тогда охватывал новый страх. А вдруг он что-то натворил. Бежал снова в вишнёвый сад, откуда всё начиналось, и расспрашивал собутыльников о его перемещениях. Те радовались его приходу, наливали вино, и всё начиналось по прежнему сценарию. Друзья информировали, что ужасных случаев с его участием в районе не зафиксировано, и просили, как всегда, в долг вина. Долг, естественно, никто не отдавал, потому что брала его компания, а не конкретный человек. И в этих же компаниях он любил пофилософствовать о том, что большинство людей живет по законам болота. Некоторым везет больше. Им дана возможность прыгать с кочки на кочку, рискуя иногда упасть в трясины. Другие идут до заветной твердой почвы со шупом по пояс в жиже. И есть те, которым совсем не повезло. Они сразу попадают в трясины, и, если нет рядом близких людей и настоящих друзей, им не выбраться из неё никогда. Увы, жизнь – это болото. Друзья аплодировали и снова просили в долг вина. Потом, после пьянок, на работе приходилось навёрстывать упущенное, вкалывая за троих.

Юрий Иванович подумал: теперь с этим покончено, и его ждут великие дела. Сегодня предстояло провести собрание с трудовым коллективом магазинов. Алеся пригласила всех продавцов к одиннадцати часам. До мероприятия оставалось ещё пару часов, и Данилин решил поговорить с Надей, как и обещал Вове. Поехал к ней на работу на комбикормовый завод. Перед встречей навёл о ней справки у знакомого мастера, рассказ которого его поразил. Ока-

зывается, Надя тайно от мужа, но не от сослуживцев, давно уже встречается со своим коллегой и собирается связать с ним свою судьбу. Выходит, пока Вова бродил по лесам в поисках добычи, Надя искала мужчину для жизни. Данилин подумал: бедный Вова, но он и сам виноват. Ему надо было с такой женщины пылинки сдувать, а не шастать постоянно пьяным с ружьём по кустам.

Юрий Алексеевич знал, где находится рабочее место Нади, и сделал так, как будто встретил её случайно. Вид у неё был потерянный. Данилин спросил:

– Неужели всё так плохо?

– Вчера после вашего ухода я пыталась Вове открыть глаза на нашу жизнь. Он даже мысли не допускает о моём уходе. Но я так жить больше не могу, терпение лопнуло. Я уже не выдерживаю его постоянных пьянок, охоты, рыбалки, разговоров о его незаменимости. Он живёт в другом, нереальном, пьяном мире, а мне хочется простого земного счастья и надёжной опоры, ведь у нас трое детей. Они на моих плечах. Моих желаний Вова не услышал, более того, даже и не пытался это сделать. Но угрозу в его глазах я видела, и мне иногда бывает страшно от его холодного, мёртвого взгляда. Я приняла решение уйти от него.

– Я уважаю твой выбор. Но, хорошо зная Вову, его непоколебимую веру в свою значимость и тебя, предчувствую, что твоё решение для него будет трагедией, которая может привести к непредсказуемым последствиям.

– Но поверь мне, Юра, я больше жить с ним не смогу.

– Значит, такова судьба. И всё же прими мой совет. Вову к этому надо готовить долго и осторожно, чтобы он свыкся с мыслью жить один, без любимой жены. Учти, он непредсказуем.

– Спасибо, Юра, но как получится...

Данилин возвращался в свой магазин и думал, что среди его друзей разворачивается ещё одна семейная драма. Из-за туч выглянуло ласковое солнце, которое осветило красивую землю, но солнцу не было дела до людских страданий, бед и радостей.

В магазине Данилина ждала жена. Когда он предстал перед ней, она спросила:

– Где мотался?

– Мотался, да не замотался, чужие проблемы разруливал.

– Своих полно. Продавцы уже в сборе. Надо с ними серьёзно поговорить.

– В чём дело? Сейчас сделаем.

В двух магазинах и у Алеси как индивидуального предпринимателя работали одна-дцать продавщиц, от двадцати пяти до сорока пяти лет, с разными характерами, привычками. При приёме их на работу Юрий Иванович прежде всего уделял внимание внешнему виду, умению общаться и, конечно, собирал о них сведения. За последние годы продавцы не менялись. Пока всех всё устраивало. Но накопилось много проблем, которые требовали разрешения.

Закрыв магазин, Данилин начал совещание. Он доложил о работе предприятия, финансовых успехах, трудностях. После него выступили главный бухгалтер и инспектор по кадрам со своими вопросами.

– Ну а теперь, девочки, о самом главном, – Юрий Алексеевич посмотрел на продавцов, – вам расскажет Алесья Алексеевна.

Алесья начала с поддержания порядка в магазинах:

– Вам всем давно известно, что уборщицы моют только полы, а протирать витрины, стеллажи от пыли, грязи – обязанность продавцов, про которую вы часто забываете. И с сегодняшнего дня, если санстанция составит протокол по этому нарушению, штраф вы будете оплачивать из своего кармана, а не за счёт предприятия. Это первое. Второе – опять забываете о раскладке товара. Я обнаружила на складе залежи товаров, которых нет на прилавках магазинов. За это тоже будем наказывать. Теперь о главном. Вот вы требуете повышения зарплаты, но сами прекрасно знаете, что она у вас выше, чем у кого-либо. Потом, мы постоянно закры-

ваем глаза на недостатки, и порой приличные. Вы поплачетесь, и мы их списываем на убытки. А они ведь на ровном месте не бывают. Мы не маленькие и знаем, что каждый из вас что-то из магазина прихватывает, забыв потом заплатить. Теперь будет по-другому. Выявленная недостача будет удерживаться из вашей зарплаты.

– Я хотел бы сделать несколько замечаний по работе другого магазина, – Данилин многозначительно посмотрел в сторону его продавцов. – Ну что, сами сознаетесь, или как?

Те притихли, напряглись.

– Так вот, девочки мои дорогие, вашему отдельному государству пришёл конец. С сегодняшнего дня никаких завышений цен, подкладывания своего товара и тем более недостач. В начале июля проведём ревизию, и в случае большой недостачи будет уволен тот продавец, которого принимали на работу первым. Это касается и магазина «Стор». Я думаю, наша позиция всем ясна, и она справедлива. Кто не согласен, тот может нас покинуть. Хотя, поверьте, расставаться было бы жаль. Ведь мы вместе столько всего пережили!

Теперь для информации. В субботу привезут российский хлеб. Надо всем вам дипломатично об этом объявлять покупателям. Возможно, вслед за этим последует реакция властей. Но вы делайте вид, что ничего не знаете, отсылайте любопытных и возмущённых к нам. Второй момент касается взрыва автомобиля предпринимателя Филина. Вы об этом знаете. Я думаю, это дело рук рэкетира. Поэтому будьте бдительны. В магазинах есть тревожные кнопки. И в случае малейшего подозрения на опасность не стесняйтесь, нажимайте на неё. В течение трёх минут приедет охрана. Теперь задавайте вопросы.

– Всё ясно, вопросы будем решать в процессе работы, – раздался голоса продавцов.

– А как насчёт традиции? – главный бухгалтер, миловидная женщина Любовь Владимировна, улыбаясь, посмотрела на директора.

– Традиции нарушать не будем. В вашем распоряжении кабинет. Но магазин должен работать. Руководить банкетом будет Алёся Алексеевна, а я с вашего позволения удаляюсь.

Все облегчённо вздохнули и начали готовить стол к более приятному мероприятию.

13

Данилин проведаль мать, отвёз ей гостинец и, возвращаясь мимо коммерческого магазина, подумал: теперь он не один. В городе появились ещё несколько солидных предпринимателей, занимающихся торговлей, грузоперевозками, даже ресторанным бизнесом. Открылись мастерские по ремонту часов, обуви. Бизнес проник в сельские населённые пункты. Теперь он был не единственным объектом для проверяющих. Государство благоволило появлению коммерсантов, и их количество стало расти, как грибы после дождика. Но негативное отношение к предпринимателям сохранилось на всех уровнях власти и даже в народе. Как это несправедливо и обидно! Столько здоровья, времени, денег вложено в предприятие не кем-то, а им и его женой!

Он вспомнил первые годы деятельности. Приезжая на оптовые базы или к производителям, в хвосте ожидали, пока не отоварят государственные структуры, а потом довольствовались тем, что осталось и по более высоким ценам. А чего стоило выдержать беспредел со стороны проверяющих органов! Но выстояли. И вот теперь на головы бизнесменов свалился «взрыватель», как его окрестил Данилин. На прошлой неделе была взорвана машина его хорошего знакомого Филина. Ещё раньше другие предприниматели жаловались на звонки с угрозами и требованием отдать определённую сумму. Игнорирование требований видимо и активизировало «взрывателя». У Юрия Ивановича в душе проснулся прокурор и следователь, кем он был многие годы. Ему показалось странным, что его пока никто не трогал. Возникли две версии: или его побаивались, или этот кто-то, кто с ним часто встречается, и он неглупый и довольно дерзкий. Данилин подумал: надо составить список людей из его окружения и про-

анализировать и обязательно заглянуть в милицию к другу заместителю начальника РОВД, его тёзке, и обменяться мнениями.

На другой стороне улицы Юрий Иванович заметил Сёмина с папкой. Данилин припарковал автомобиль возле своего магазина и подошёл к Сёмину. Сергей, довольный, крикнул в усы:

– Ну что, Юрка, придётся тебе опять перекрашивать магазин к празднику. В исполкоме приняли решение все здания на центральных улицах перекрасить в один цвет.

– Здрасьте, может мне и свои седые волосы покрасить в казённый цвет? Я же только что наводил косметику по вашим указаниям.

– Извини, дружище, есть решение, я его исполняю, и тебе придется.

– Господи! Да когда же прекратится издевательство! Ладно, говори, как красить.

Сергей отдал листок с инструкцией и сказал:

– Твой магазин должен выглядеть по цвету, как здание райпотребсоюза. Обязательно выдели углы и окна.

Данилин поплёлся осматривать новый фронт работы и подсчитывать непредвиденные затраты, подумав: у Сергея опять в голосе проскользнуло злорадство и зависть. По сути дела, они друзьями не были, хотя и называли себя таковыми. Их связывал лишь вишнёвый сад. Данилин был охотником, рыбаком, садоводом. За жизнь вырастил три сада. В совершенстве владел прививочным делом. В качестве эксперимента у него в саду на одной яблоне росло три сорта яблок. У Сёмина же, кроме игры на гитаре, других увлечений не было. Юрий Иванович думал: нет в этом городе у него друзей. Тот же Борис. Кто он для него? Как ни крути, вывод один – собутыльник, как и все остальные. Настоящие друзья остались в прошлом, но они незримо находятся рядом и сейчас. Школьный друг Гена бороздит океаны и моря на подлодке и живёт на Севере. Друг детства Миша в одиночестве спивается в глухой смоленской деревушке, доживающей последние дни. Данилин вспомнил последнюю поездку туда с целью посетить могилу отца. Те события отчётливо вновь всплыли в памяти. Тогда он доехал на машине докуда смог. А потом два километра пришлось идти пешком по зарастающей просёлочной дороге, во многих местах размытой дождями. Подходя к деревне, он увидел верхушку дуба – многовекового символа деревни. Душа заволновалась, когда стали появляться и другие «старые знакомые» – фундаменты от водонапорной башни и электроподстанции. Вот и дуб во всей своей красе. Сколько же он повидал за свои века? И все еще уверенно стоит на земле, питая себя с помощью огромных корней. Стоять ему века и века. От дуба открывался милый сердцу пейзаж. По склону к реке с причудливыми зигзагами скатывались две зарастающие дороги. Вдоль них еще осталось несколько покосившихся пустых домов и одичавшие сады. А вокруг далеко до горизонта раскинулись холмы с березовыми рощами, борами и кое-где, играя разноцветьем, поля, еще не успевшие зарости кустами. Здесь уже властвовала дикая природа с тех пор, как отсюда ушли люди. А когда-то в этих местах в одно лето родились три мальчугана: один на яблочный спас, другой на медовый, и он, Юра, на Ивана Купалу. И родились они почти на колхозном поле. Их матери до последнего дня на нем трудились. А после родов, на следующий день, снова отправились в поле зарабатывать трудовни. Потом судьба развела друзей по разным дорогам. Миша после службы в армии вернулся в деревню в ней и остался. Работал, как все: косил, заготавливал сено, пас коней, шоферил. Права получил в армии. Но постепенно колхоз разваливался. Не стало в деревне конюшни, фермы, молодежь разъехалась, старики умирали. Деревня опустела. Остался лишь Мишка с престарелым отцом, на пенсию которого и жили. Кое-что выращивали в огороде, гнали самогон. Но когда отец умер, не стало и средств к существованию. Как жить дальше? Работы нет, семьи нет, в деревне, кроме него, ни одной живой души. Спасибо братьям. Иногда приезжали из Смоленска и кое-что привозили из еды. Давали и деньги, но они быстро пропивались. Юрий Иванович тоже по мере возможности приезжал в родные места навестить могилу отца, который просил похоронить его на местном

кладбище. Тогда Данилин и встречался с другом и каждый раз с горечью наблюдал изменения в его внешности.

И вот Данилин снова шагал по родной деревне. Когда проходил мимо покосившегося дома друга, оттуда выбежал старик, который с радостью бросился в его объятия. То был Миша. Данилин, обнимая его, с сожалением подумал: такой вида друга, очевидно, был вызван отсутствием семьи, одиночеством и злоупотреблением самогоном. Юрий Иванович спросил Мишу:

– Как дела, дружище? Ты здесь теперь один хозяйничаешь.

– Живу по-тихому, – голос его дрожал, – и сам себе хозяин-барин. Вся эта земля моя. Никому она больше не нужна.

– А на что же ты живешь? Похоже, у тебя и со спиртным проблем нет. Как-то надо и на это, и на жизнь зарабатывать.

– Пробовал работать в колхозе, но постоянной работы там нет, да и платят копейки. Я нашел другой выход. Хожу по опустевшим деревням, собираю металлолом, сдаю. На жизнь хватает. Летом собираю ягоды, грибы, ловлю рыбу. Её в реке опять стало много. Пошли ко мне, я тебя угощу.

Сколько же лет Юрий Иванович не был в Мишином доме, он уже и не припомнит. Остались лишь приятные воспоминания из детства. Здесь собирались деревенские ребята, разлетался смех, все упивались радостью жизни. Но теперь внутри дома пахло забвением. Все покоилось, закопилось, износилось. Не чувствовалась в этом доме руки хозяина. Миша показал ему рыбу. Это были завсегда таи речки – ельцы и плотва довольно крупных размеров.

Данилин, как заядлый рыбак, с интересом спросил:

– И в каких же местах такая красота ловится?

Миша оживился:

– Если есть время, давай прогуляемся к речке, я покажу.

Данилин с удовольствием согласился и задал другу еще один вопрос:

– Послушай, дружище, а куда подевались водонапорная башня и подстанция?

Миша загадочно улыбнулся и с видом делового человека предложил ему самому догадаться:

– Ну и как ты думаешь, куда они могли подеваться? И тут Юрия Ивановича осенила догадка:

– Неужели ты и их умудрился сдать в металлолом?

– Как видишь, умудрился. Приехали люди, разрезали, отстегнули прилично денег и всё увезли на грузовых машинах, – Миша немного помолчал и добавил: – А если сил хватит, займись еще одной деревней. Но только вот сердце немного щемит. Они тогда прикинули: в ближайшем окружении находилось еще шесть опустевших деревень.

«Работы другу хватит», – подумал Данилин. Помолчал, а потом задал ещё вопрос:

– А как у тебя дела на любовном фронте?

Миша погрузился, вздохнул, но начал рассказывать:

– Была одна женщина. Заходил к ней сначала просто выпить, закусить. А потом она предложила мне остаться на ночь. Но постельной жизни не получилось. Видать, пропил я свою мужскую силу. Больше попыток не делал.

Друзья дошли до речки. Повяло приятным и грустным. Когда-то все рыбные места можно было найти с закрытыми глазами. Но сейчас речка изменилась. Во многих местах берега заросли лозой, появились новые вирки, старые занесло песком, изгибы русла стали покруче. Миша показывал места, рассказывал, какая в них водится рыба. Слушая его, Данилин тогда понимал, что это, возможно, последняя с другом встреча. Какая-то обреченность чувствовалась в его голосе и в движениях. Миша старался это скрыть за улыбкой. Но она была застенчивой, печальной, отрешённой.

Данилин очнулся от воспоминаний и понял, что идёт в направлении отдела милиции. Подсознание влекло его туда, где он мог получить информацию о взрыве, звонках с угрозами и тем самым в какой-то степени обезопасить себя и близких, скорректировать свои действия.

14

Районный отдел внутренних дел Данилин знал, как свои пять пальцев. Будучи прокурором, он осуществлял надзор за его деятельностью. Жил с милицией дружно, но и спуска не давал. Уважал ребят из уголовного розыска и следователей. Из того состава осталось несколько человек. К одному из них, Юрию Добровскому, который прошёл путь от инспектора уголовного розыска до заместителя начальника РОВД и на красивом лице которого написано красными чернилами, что он мент, и направлялся Данилин. Встретились они, как добрые друзья. Поговорив о семейных делах, перешли к главной теме.

– Ты знаешь, Иванович, этим делом занимаются и спецорганы. Пока не можем определить, откуда преступник звонит. Но одно ясно: он подключается к телефонной линии в одном из уличных ящичков. В воскресенье был звонок Кравцову Григорию с требованием приличной суммы и угрозой взрыва. Теперь хоть знаем, что взрыватель и вымогатель одно лицо.

– Связистов, конечно, отработываете? – поинтересовался Данилин.

– Уже проверили. Но там все люди на виду. Они прозрачны, и у всех есть алиби. Мне кажется, это волк одиночка, коварный и хитрый.

– Я тоже так думаю. И в этом деле есть странность. Первый звонок был сделан приблизительно два месяца назад. С тех пор преступник позвонил почти всем крупным предпринимателям, обделив вниманием меня. Это что-то значит.

– Мы это заметили. И ты был какое-то время в поле нашего зрения.

– Я был уверен, что вы на этот факт обратите внимание. И вы, очевидно, убедились, что я к этим событиям не причастен. Со своей стороны я составлю список лиц моего окружения, способных совершить преступление, и проанализирую их поведение. Буду держать тебя в курсе дела, как, надеюсь, и ты меня.

– Иванович, будь осторожен, если что – сразу звони.

– Хорошо, Юра.

После разговора с Добровским Данилин решил пойти домой и там в спокойной обстановке составить список. За обедом он в уме перебирал, с кого начать. Перед ним на столе в тарелках лежали разные бутерброды, овощи, фрукты. Мелькнула мысль: и везёт же жене с готовкой. Изобилие объяснялось просто. Списанные товары шли сначала на сортировку домой, а потом в мусорное ведро. В магазине строго соблюдались сроки хранения и продажи продуктов. Поэтому колбаса с одним днём просрочки спокойно и без последствий отправлялась в закалённый желудок Данилина.

Итак, продолжал размышлять Юрий Иванович, больше всего вызывают подозрения два человека. Первый – Генка Поляков, который был в их компании на последней рыбалке. Данилин вспомнил, как через неделю после назначения его на должность прокурора района к нему в кабинет пришёл парень двухметрового роста и заявил, что он знает в городе каждую кошку и что на него можно положиться в любом деле. Юрий Иванович таким людям не доверял, но и без них нельзя было обойтись. Они являются носителями ценной информации о людях. Поэтому тогда Данилин принял его благосклонно. Генка окончил местный техникум и был в вечном поиске работы. Данилин неоднократно помогал ему с трудоустройством, но долго он на одном месте не задерживался. Потом руководители организаций жаловались прокурору: ну и удружил ты нам работника. Кроме того что лентяй, так он ещё и коллектив настраивает против нас.

Был Поляков дважды разведённым. Последняя жена родила девочку и хотела было с ней сбежать от него, но Генка с ружьём в руках отобрал малышку и пригрозил убить жену, если она ещё раз обратится к ним с этим вопросом. Тогда в этом конфликте разбиралась милиция, но, учитывая аморальное поведение мамы, ребёнка оставили ему.

Мог Поляков исподтишка и подлянку подстроить, был завистником и воришкой. Юрий Иванович вспомнил и смешной и грустный случай. Зимой кто-то, разбив окно, залез к ним на дачу и забрал пневматическую винтовку и электрический лобзик. Огромные следы валенок вели к дому Полякова. За сто метров до него они слились с другими следами. Данилин не стал раскручивать это дело и забыл про него. Но как-то, проезжая мимо дома Полякова, увидел родителей Генки, остановился, чтобы поздороваться. Те пригласили его в дом. Они пожаловались ему на сына, что тот сильно пьёт, нигде не работает, мало внимания уделяет дочке. А у них самих здоровье уже слабое и боятся за будущее внучки. Данилин пообещал им поговорить с Генкой по душам и, выходя из дома, в углу на веранде увидел свою винтовку. Улыбаясь, тогда подумал: «Сколько верёвочке ни виться, а конец будет», но ничего не стал предпринимать.

Юрий Иванович сидел за столом и думал: смог бы Поляков повернуть такую операцию. Но приходил к убеждению, что нет. Да, у него подленькая душонка, но он пьяница и воришка. А в этом деле нужен трезвый, расчётливый ум. Данилин встал, прошёлся по квартире, глянул в окно. Солнце уже клонилось к горизонту. Подумал: уже нет смысла идти в магазин. Там женщины продолжают решать производственные проблемы под «Кадарку», «Рислинг». Жена потом доложит об итогах.

Итак, кто следующий? Несколько человек вернулось из заключения. Они каждый день ближе к обеду собирались около его магазина. Один из них, Андрей, занимался рэкетом и грабежами. Он входил в банду, которая на трассах «чистила» фуры. Их поймали, судили. Жена принимала участие в том процессе в качестве народного заседателя, и она потом рассказала, что Андрей был самым безобидным из членов банды, и ему дали срок заключения меньше других. Неужели он взялся за старое? Но говорят, что он неизлечимо болен то ли СПИДом, то ли туберкулёзом. Юрий Иванович пару раз пересекался и разговаривал с ним в ресторане. На больного он не очень похож. Надо это выяснить. Другие эки на роль взрывателя не тянут. Данилину вдруг в голову пришла одна версия. Чтобы её проверить, подумал Данилин, надо снова связаться с Добровским, и набрал его номер, но тот не ответил. «Ладно, на сегодня хватит», – решил прокурор и пошёл в магазин. Дома один он не мог долго оставаться.

15

– Юрий Иванович, хорошо, что вы пришли, присаживайтесь, а лучше скажите тост и выпейте, – зашумели повеселевшие, румяные женщины. Алесья тоже была под хмельком.

– Ладно, наливай, – весело сказал директор.

– Может, вам водочки принести? – пролепетала Зиночка.

– Да уж, будь добра, принеси беленькую.

Зина поспешила в торговый зал. Юрий Иванович крикнул ей вдогонку:

– Я имел в виду беленькую минеральную воду.

Женщины удивлённо посмотрели на своего директора. Зиночка принесла минералки. Данилин налил стаканчик до краёв и сказал:

– Я хочу выпить эту чистую, безалкогольную и полезную для здоровья водичку за вас, мои дорогие и милые женщины. Вы такие все красивые, притягательные, аппетитные, и я желаю, чтобы и наши магазины были такими. А для этого в ближайшие дни нам предстоит снова перекрасить «Стор», чтобы он радовал глаза работников исполкома.

– Ну, Юрий Иванович, вы даёте! Начали за здравие, а закончили за упокой, – проворковала инспектор по кадрам, муж которой занимал в районе высокую должность.

– Увы, Таня, сие не от меня зависит. Ко Дню города мы должны превратить магазин в игрушку.

– Юрий Иванович, а вы сегодня ещё куда-то поедете на машине или у вас давление? – хитро спросила главный бухгалтер.

– Вопрос понятен, Владимировна. Хочу вас обрадовать, а может кого-то и огорчить: со спиртным у меня перемирие. Мы больше друг друга не волнуем. В двадцать первом веке надо жить по-новому, строить прекрасное, светлое и, главное, трезвое будущее.

Данилин дал знак жене, и они вышли во двор магазина и спросил:

– Как дела, радость моя? Как настроение в коллективе?

– Побаиваются, говорят, что из-за одной какой-то паршивой овцы будут страдать все.

– Пусть поймут, что есть такое понятие, как полная солидарная, коллективная материальная ответственность. Это не нами придумано. Вы ещё долго будете заседать?

– Посидим ещё немножко, общение идёт только на пользу.

– А я прогуляюсь до дома. Там надо забор менять, прикину, что к чему.

Прогулка до недавно купленного дома заняла две минуты. В центре города оставались ещё несколько деревенских хат, подобных дому Данилиных. В перспективе они все шли под снос. Юрий Иванович хотел это довольно ещё крепкое и объёмное строение использовать в двух целях: для сдачи в аренду предпринимателям под хранение товара, о чём была уже договорённость, и в дневное время заниматься в нём перетяжкой, ремонтом мебели. Бригада тоже имелась. Правда, бригадир Саша постоянно находился в нетрезвом состоянии, но это не мешало его золотым рукам творить чудеса из старой мебели. Эти проекты запускались через два дня.

После прогулки по яблоневому саду Данилин собирался уже возвращаться в магазин, как в душе появилось какое-то неприятное предчувствие. И почему-то сразу вспомнился Вова со своими проблемами. Юрий Иванович подумал: надо срочно проведать друга. Зашёл в магазин, взял бутылку простого вина и за десять минут дошёл до его дома. Без стука вошёл внутрь. Вова сидел неподвижно за столом на кухне, уставившись в одну точку. Лицо его было опухшим, а взгляд отливал смертельную тоску. Данилин поставил бутылку вина на стол и спросил:

– Как дела Вова? Может, выпьем?

Ответом была мёртвая тишина, которая стояла и во всём доме.

– Вова, жизнь продолжается несмотря ни на что. Дети тебя любят, надо жить ради них.

– Она завтра забирает вещи, а я так ей верил! – из-под земли раздался голос «покойника».

Вова отвернулся к окну и не проронил больше ни слова. Юрий Иванович тихо вышел, оставив бутылку на столе. Он понял, что в данной ситуации, сделал всё, что мог. Но ощущение смерти в этом доме осталось. Она заполонила всё его пространство и проникла в душу к Вова. Смерть и его жизнь пересеклись. И кто выйдет победителем в этом поединке, трудно сказать. И он, Данилин, не знал, чем ещё другу помочь.

Юрий Иванович шёл в свой магазин и рассуждал: у каждого своя история жизни, и складывается впечатление, что мужчины, выполнив своё назначение по продлению рода человеческого, лишаются защиты Небес и оказываются перед новым испытанием бороться с пороками, соблазнами в одиночку. И успех этой борьбы зависит от стойкости и закалённости души, силы воли, ума и воспитания. Многие мужчины, лишённые защиты Небес и поддержки близких, не выдерживают «тяжести креста» и погибают.

На следующее утро Данилин проснулся с камнем на душе и предчувствием чего-то плохого. В девять тридцать позвонил прокурор района Юрий Николаевич и пригласил его к себе. Через двадцать минут Данилин был уже у него.

– Привет, тёзка, – прокурор пожал Данилину руку, – и присаживайся. У нас в городе разыгралась настоящая трагедия. Минутку, сейчас приглашу следователя, – Юрий Николаевич нажал на кнопку.

Когда пришёл высокий, худой парень, Сергей, прокурор продолжил:

– Твой друг Вова сегодня утром застрелил из охотничьего ружья свою жену, а потом застрелился сам.

Внутри у Юрия Ивановича всё похолодело. Он ожидал всего, чего угодно, но не убийства Нади – красивой женщины и прекрасной матери троих детей. Большой грех совершил его друг. Прокурор продолжал:

– Нам об этом сообщила его соседка и сказала также, что ты вчера вечером приходил к нему. Ну и, ты сам знаешь, нам надо записать твои показания для закрытия дела в связи со смертью преступника. Сергей их запишет.

Данилин собрался с мыслями и поведал своим коллегам печальную, трагическую историю жизни когда-то прекрасной семьи.

Выйдя из прокуратуры в растерянности, Юрий Иванович было направился в вишнёвый сад, но по пути передумал и решительно пошёл на работу.

16

Неделя пролетела мгновенно. Захлестнула текучка. Два раза Данилина дёргал исполком, заставляя торговать белорусскими продуктами питания и установив обязательный процент их наличия в магазинах. В купленном доме начали ремонтировать мебель и хранить товар ИПэшников. Всё это было оформлено официально. Позвонил Сергей Яровский и подтвердил поставку хлеба. Теперь Данилины сидели в магазине и ждали его приезда. В торговом зале толпился народ в ожидании российского товара. Сергей приехал вовремя. Быстро разгрузили машину, расписались, где надо, в документах, посидели, поговорили и расстались, договорившись держать связь по телефону.

К концу дня хлеб был распродан. Несмотря на такой успех, на душе у Данилина было беспокойно: как к такой торговле отнесётся власть, которая постоянно заставляет коммерсантов торговать отечественным и защищать своего производителя? У Юрия Ивановича по этому поводу было своё мнение. Он исходил из того, что у покупателя должен быть выбор. А выбор всегда ведёт к конкуренции и в конечном итоге к улучшению качества товара и даже к снижению цен на него. Данилин подумал: пусть теперь местный хлебозавод шевелится. Может, начнёт производить вкусный и аппетитный хлеб, а не липкую кислятину.

Вечером, сидя у телевизора, Юрий Иванович обратился к жене:

– Дорогая, я за неделю замотался. Не поехать ли мне завтра рыбку половить?

– Если на берегу, то сразу будет чей-то труп. Не ревную, но предупреждаю. И ты что, забыл, мы же сына собирались навестить.

– К нему ты можешь съездить и одна, а я на самом деле очень устал и морально и физически. Сама знаешь: неделя была насыщенной, трудной и трагической.

– Ладно, договорились.

Юрий Иванович с облегчением вздохнул и подумал о сыне: Игорь иногда заставлял поволноваться. Был он крутого нрава. За правду спуску никому не давал, в связи с чем частенько приходил с синяками. Но до криминала дело не доходило. Правда, однажды, на Новый год, попал в неприятную историю. Тогда был он на новогодней дискотеке в доме культуры. Вышел подышать свежим воздухом. На крыльце стоял знакомый парень и пел песни. К парню подошёл милиционер и сделал замечание, что петь нельзя, и помахал дубинкой перед его носом. Игорь это увидел и сказал, что, мол, уж и на Новый год попеть нельзя. Страж порядка обругал сына матом, пригрозил задержанием. Вот Игорь и не выдержал, двинул обидчику в челюсть. Его, конечно, задержали и доставили в РОВД, где он ещё вдобавок обозвал всех сотрудников козлами, в том числе и начальника милиции, за что получил угощение дубинкой. И сидеть бы сыночку все праздники в заключении, но подключилась мама, которая была трез-

вой. В три часа ночи привезла подвыпившего председателя суда в РОВД, и тот выписал штраф сыну, после чего Игоря отпустили. Потом сын хвастался, что сидел с настоящими эсками, и они говорили, что, мол, ему нечего бояться, не пройдёт и часа, как предки вытащат его отсюда. Теперь Игорь остепенился, получил водительские права, три года отслужил в армии в резерве и иногда помогал родителям в бизнесе.

Юрий Иванович переключился на рыбалку. Он уже прикинул, на какое озеро поедет, и приготовил для этого необходимые снасти. Надо сказать, что Данилин любил новые, неизведанные места, окутанные тайной. И была у него ещё одна привычка, от которой он никак не мог избавиться. Приезжая на любое озеро, всегда плыл ловить рыбу к другому берегу. Ему казалось, что там ловятся более крупные экземпляры и рыба там больше. А возвратившись обратно и попробовав ловить у своего берега, убеждался, что хрен редьки не слаще. Но следующий раз он упорно, и пусть был даже ураганный ветер навстречу, снова плыл к другому таинственному берегу.

Юрий Иванович завёл будильник на три часа ночи так, на всякий случай. Его организм сам был как будильник. Если он приказывал себе проснуться в три, то так оно и произойдёт, ни минутой раньше, ни минутой позже.

В четыре часа утра Данилин был уже на озере и накачивал лодку. На огромном пространстве воды гуляли ветер и волны. Разгон они начинали от самого дальнего берега, преодолев несколько километров и превратившись в монстров, с грохотом и рёвом кидались на Юрия Ивановича и окружающий его камыш. Было жутковато. Но вот всё готово, и надо плыть в эту стихию. Озеро славилось многими видами рыб. В нём комфортно чувствовала себя и такая редкая для этих мест рыба, как ряпушка из семейства сиговых. Данилин каждый раз, как приезжал на это озеро, вспоминал одну историю. Тогда он только год отработал прокурором. И вдруг, как снег на голову, нагрянула страшная проверка из Минска во главе с начальником ОКО – организационно-контрольного отдела. Для молодого прокурора ОКО представлял повышенную опасность. Если через него прошёл, даже неважно как, получал благосклонность Минска. Если нет – ждало понижение в должности и перспектива проработать на ней до пенсии. Юрий Иванович разместил двух начальников в отдельные номера местной турбазы с обеспечением изысканным питанием и сервисом. Целую неделю проверяющие держали Данилина под напряжением, и, казалось бы, всё шло нормально. Но в конце проверки начальник ОКО сказал:

– А теперь проверим, настоящий ты прокурор или нет. Мы через день уезжаем, и хотели бы увезти с собой в качестве сувенира ведёрко вашей знаменитой селявы, то есть ряпушки. И, как говорится, время пошло.

Юрий Иванович слышал про неё, но в каком она озере водится и что из себя представляет, не знал. В его распоряжении были сутки. Успокоившись, подумал: надо выходить на местных браконьеров. Обзвонил знакомых рыбаков, рассказал о проблеме. Через час ему назвали двух парней, готовых помочь. Ещё через час он с ними встретился. Те пообещали, если поведёт, к утру будет ведро рыбы. Ночью Данилину снились кошмары. В девять утра один из парней по телефону радостно сообщил:

– Иванович, куда доставить рыбу.

Ребята привезли ведро с селявой прямо в прокуратуру.

Перед отъездом начальник ОКО сказал:

– Похоже ты, Юрий Иванович, на своём месте, и в прокуратуре что-то делается.

Через пару часов Данилин вздохнул полной грудью: грозное «око» укатило в Минск.

С теми ребятами он потом подружился. Были они заядлыми рыбаками. Они поведали ему много секретов рыбной ловли, рассказали, как тогда ловили неводом селяву, зная места её выхода ночью на мелководье. Теперь он снова на этом озере и плывёт к заветному месту, подставляя лицо ветру и брызгам от волн. Такую погоду Данилин любил. А вот тишь да гладь его угнетали. Только сильный ветер, несущиеся по небу облака, тучи в высшей степени делали

его живым, от них он заряжался энергией. Сейчас он плыл навстречу волнам, ветру, и в мыслях поплыли строки когда-то сочинённого им стихотворения:

Сильный ветер с тучами милее
Для души израненной моей.
Смейся, буря, обнимай сильнее,
В твоих ласках, буря, я живей.
Тучу ветер злющий рвёт на части,
Но прекрасна в страсти их борьба.
Плачет туча от такого счастья
И исчезнет в ранах навсегда.

Вот и заветное место. От берега Данилин отплыл метров на триста. Заякорился так, чтобы волна била в нос лодки. У него появилось предчувствие удачи, которое его никогда не обманывало. Юрий Иванович забросил две удочки с разными приманками. Поплавки заплясали на волнах. Через несколько секунд один из них юркнул под воду. Данилин сделал подсечку и почувствовал тяжесть на крючке. Мелькнула мысль: хватанул лещ. Но по резкому сопротивлению понял, что попалась другая крупная рыбина. И когда она уже барахталась в лодке, удивлению рыбака не было предела: это была плотва весом граммов на пятьсот, и она была похожа на сельдь. Раньше таких размеров плотву он не ловил. От возбуждения слегка дрожали руки и учащённо билось сердце. Но когда в лодке через полчаса было с десятков «хвостов», Данилин успокоился и начал наслаждаться медленным вываживанием рыбы. Плотва клевала ровно два часа, а потом как отрубил. По всей видимости, стая ушла в глубину. Юрий Иванович подумал: ну и слава Богу, мне хватит, наловился так наловился.

Когда Данилин возвращался домой, то по городу специально ехал медленно, останавливаясь возле знакомых и хвастаясь уловом. Показывал рыбу и просил угадать, что за чудо-юдо он наловил. На следующий день весь город уже знал, что Данилин наловил в озере селёдки.

17

Что-что, а покрасочные работы Данилин на дух не переносил. Поэтому в понедельник, организовав всё, что от него зависело, ушёл в «тень», предоставив руководство «любимым» делом жене. Сам же решил продолжить расследование дела «взрывателя». Прежде всего ему надо было проверить новую версию. С этой целью он пошёл сначала в прокуратуру, где получил статистику об убийствах за последние полгода. Но ничего интересного Юрий Иванович в ней для себя не увидел. Были две бытовухи, и те в глухих деревнях. А вот в милиции Добровский дал ему заслуживающую внимания информацию. Кроме этого, Данилин от него узнал, что освободившийся из заключения Андрей действительно смертельно болен, и его дни уже сочтены. Вряд ли у смертельно больного имелись силы и желание делать ночные вылазки. Что касается информации, то Юрий Иванович интуитивно почувствовал, что она представляет для него интерес, и её он решил досконально проверить. Как сообщил Добровский, несколько недель назад без вести пропал завхоз суда. Его жена тогда написала заявление, в котором указала, что муж уехал на рыбалку и не вернулся. На каком озере и с кем он рыбачил, осталось неизвестным. Его искали, но безрезультатно. Все решили, что завхоз утонул. Данилин в уме прикинул план действий. Для начала надо осторожно опросить его жену, соседей, может, в суде что подскажут.

По дороге из милиции ему встретился Гриша Кравцов. Он с женой за последние годы круто поднялся. Они владели сетью магазинов, в том числе и в сельской местности. В городе открыли кафе, аптеку. У Данилиных с ними отношения были нормальные. Григорий, правда, был немного угрюмым парнем, но незлобивым. Один лишь раз, в начале деятельности в качестве предпринимателя, он высказал им претензии по ценообразованию и предложил согла-

совывать цены на товары. Данилины убедили его в абсурдности затеи. Сотни позиций никогда не согласишься. Тем более товар поставлялся из разных источников и с разной наценкой. Больше они к этим вопросам не возвращались. Хотя потом от него в магазин «Стор» несколько раз приходила девочка и в тетрадь переписывала цены.

Гриша без улыбки поздоровался и спросил:

– Как дела?

– Боремся, воюем за жизнь под небом, ползаем в грязи непонимания и непризнания нашего дела. Короче выживаем, как можем. Да что мне тебе говорить, ты сам знаешь это лучше меня.

– Я смотрю, твои там магазин перекрашивают, неплохо получается, а меня заставляют крышу всего здания, которое я арендую, покрыть черепицей. Это стоит больших денег и не факт, что его потом у меня не заберут под более важные государственные цели. Я в него и так столько вложил, что этих средств хватило бы построить новый магазин.

– Да, ты прав, Гриша. Меня тоже держат в напряжении, угрожая на месте моего магазина построить торговый комплекс, а мне выплатить копеечную компенсацию.

Юрий Иванович не удержался и спросил:

– Гриша, а как у тебя вообще дела?

Кравцов понял, о чём его спрашивают, ответил:

– От тех звонков мне не до дел, и хотя подключились соответствующие органы, но мне от этого не легче.

– Держись, я думаю, всё обойдётся.

Данилин не стал рассказывать о своём расследовании. На этом они расстались. Юрий Иванович подумал: Кравцову сейчас тяжело, да и он сам чувствует себя неудобно в такой обстановке. Кто же этот злодей, что держит всех под напряжением? Мысли вернули его к завхозу. Толика он хорошо знал. Несколько раз разговаривали о рыбалке при встрече в суде, пересекались они на озёрах зимой и летом. Был он занудой, но пил в меру. У него остался «Москвич» и должна остаться резиновая лодка. Данилин её запомнил, потому что была она той же фирмы, что и его. Без лодки Толик на рыбалку не ездил, может быть, только тогда, когда садился кому-нибудь на «хвост». На рыбалку он тогда мог поехать и автобусом, а деревянную лодку мог взять у местных рыбаков. Но если он утонул, то что-то должно было остаться после него, например, лодка. Допустим, она пошла ко дну. Тогда где её хозяин? Почему молчит? Другой вариант: Толик поехал с кем-то. На озере разыгралась трагедия со смертельным исходом. После чего компаньон спрятал все концы в воду и спокойно вернулся домой. Теперь ищи ветра в поле. Но это при условии, если не было умышленного убийства. Если оно есть, то рано или поздно материализуется где-то или в чём-то. Данилин не заметил, как уткнулся в собственный магазин. Здесь покраска фасада шла полным ходом. Подошла Алеся, вытирая руки полотенцем. Она доложила о ходе работы, а потом заявила:

– Звонила подруга с исполкома, спрашивала, чьим хлебом торгуем. Пришлось сказать правду. Рано или поздно все и так узнают.

– Это первый звоночек, теперь жди набата.

– Нам не привыкать, поборемся. И ещё, тебя искала главный бухгалтер.

– Стоит только зайти в магазин – и пошла текучка-тягучка. Хоть ты сюда не приходи.

Придется расследование приостановить.

– Какое ещё расследование?

– Потом расскажу.

Так неделя и пролетела в суете. В субботу российский хлеб снова разлетелся мгновенно. Данилин в круговерти дел иногда мысленно возвращался к расследованию. Версия приобрела кое-какие очертания. А «взрыватель» пока притих, и это тоже могло что-то значить.

В понедельник пожаловали жданные-нежданные гости. Сначала с экономического отдела райисполкома пришла подруга жены. Изучив документы по хлебу, она известила о недовольстве председателя по этому вопросу. Потом заявила инспектор санстанции, которая опять тщательно проверила документы и предупредила, что завтра к ним в магазин приедет гроза всей торговли – начальник отдела областной санстанции с проверкой.

После ухода гостей Данилин сказал жене:

– Вот и началось. Сегодня были «ласточки», а завтра прилетит «коршун».

– А что они могут сделать? – хорохорилась Алеся. – Условия торговли хлебом у нас соблюдаются. Есть разрешение своей санстанции, договор с местным хлебозаводом. Документы в порядке.

– Ты что, не знаешь! Свинья грязи найдёт. Что-нибудь накопают. В итоге, область отменит районное разрешение.

– Ладно, не будем гадать. Давай дождёмся завтра. А в магазине сегодня надо навести идеальный порядок.

Алеся вызвала свободных продавцов, подключила бухгалтерию – и работа закипела. Главное, надо было проверить сроки реализации продуктов и их соответствие сертификатам, чтобы не оказалось на прилавках просроченного товара. И не дай Бог, если найдут хоть одну единицу такого товара, газеты начнут снова трубить, что коммерция торгует тухлым товаром. Хотя в магазинах райпотребсоюза и сельпо такого товара хоть пруд пруди, но на это все закрывают глаза.

Во вторник ровно в девять ноль-ноль пожаловала гроза магазинов. Юрий Иванович, прервавшись в самого приветливого человека на свете, улыбаясь, сказал:

– Для нас большая честь, что вы лично посетили нас. И мы будем очень благодарны вам, если подскажете, как улучшить работу магазинов.

– Ну что же, для начала, неплохо. Но у меня мало времени, покажите всё, что касается хлеба.

Алеся Алексеевна быстро всё показала и рассказала.

– На первый взгляд, у вас всё в порядке. Но есть один существенный недостаток, из-за которого я могу приостановить реализацию хлеба. Это отсутствие рампы с навесом, – серьёзно сказала гроза коммерции.

Юрий Иванович, успокоившись, только теперь разглядел грозную тётю. Была она невысокого роста. Бросалось в глаза её большая голова, несоразмерная фигуре. А в остальном она была обыкновенной женщиной. Данилин ей ответил:

– Навес не проблема, сделаем. Проблема в другом. Посмотрите, хлебный магазин напротив уже десять лет торгует без этих причиндалов, и никто его не закрывает. Я прекрасно понимаю причину вашего визита и знаю, кто его заказчик. Они хотят запретить торговать негодным хлебом, но пусть сначала спросят у людей, хотят ли они этого. Народу надоело есть изо дня в день кислый, липкий или разваливающийся на крошки хлеб. Сами-то начальники за хлебом ездят в областной центр.

– Юрий Иванович, я объективно доложу о результатах проверки, но мой вам совет – не торгуйте этим хлебом.

– Спасибо, но дело не только во мне. У меня заключён договор с известным человеком, и он может подключить свои связи, прессу, телевидение. Это проблема страны, и её надо решать так, чтобы у народа всегда и во всём был выбор.

Проверяющая, улыбнувшись, сказала:

– Ну что же, я поняла вашу позицию, удачи вам.

После ухода не такой уже грозной женщины Данилин позвонил Яровскому Владимиру и доложил ситуацию. Тот пообещал разобраться.

В субботу в десять ноль- ноль прибыла машина с хлебом. Следом за ней приехали три брата Яровские. Данилины и они устроили маленькое совещание, на котором приняли решение повоевать с местной властью и не только из-за денег, а преследуя благородную цель – удовлетворения спроса населения на качественный продукт. Владимир пообещал подключить кого надо. При этом, конечно, все понимали, что с властью воевать бесполезно. Но надо было кому-то начинать что-то делать, чтобы руководители государственных предприятий подняли свою пятую точку и повернулись лицом к народу.

Когда Яровские уехали, Юрий Иванович вышел из магазина и пошёл по улице в сторону вишнёвого сада. Ему вдруг до боли захотелось спрятаться там от суеты, реального мира, посидеть под вишней, смакуя аромат простого вина. Он подумал: загляну туда лишь на минуту и уйду, а может...

Пробравшись через ружлядь, Данилин осторожно из-за угла гаража посмотрел, есть ли кто в вишнёвом саду. За столом сидели два знакомых парня – руководители среднего звена, которые тихо и мирно беседовали, цедя из стаканчиков вино. Юрий Иванович решительно шагнул навстречу винным парам. Ребята, поздоровавшись, предложили сто граммов. Рука Данилина дёрнулась и сама по себе потянулась за успокоительными каплями, но в последний момент включился мозг, который дал команду ей остановиться.

– Вспомнил, сегодня мне ещё надо рулить, – рука его опустилась. – Сёмин сегодня был здесь? – Юрий Иванович перевёл разговор в другое русло.

Один из парней ответил:

– С утра был, взял свою машину и куда-то уехал. А вот вчера его здесь не было.

«Странно, – подумал Данилин, – надо ему позвонить».

– Будешь, Иванович? – другой парень снова показал Данилину на стаканчик с вином.

– Ребята, вы меня знаете, если нет причин, я всегда поддерживаю компанию, а сегодня извините. Я лучше прогуляюсь по саду.

Юрий Иванович ушёл в другой его конец и задумался: сколько же исповедей, историй витает в кронах уже стареющих деревьев. И сами плоды здесь бывают не простые, а впитавшие дух людских судеб. Вишни редко доживали до полной зрелости. Их начинали срывать для закуски, когда появлялась первая краснота. Прежде всего, такая участь ожидала плоды, расположенные на нижних ветках. А вот на верхних вишни созревали до черноты и пахли вином. Там были пьяные вишни, впитавшие воздух, насыщенный парами вина. Данилин, когда был в такую пору в саду, всегда закусывал только такими плодами, хотя для этого приходилось забираться наверх дерева. Но в основном у вишенок была короткая жизнь, как и у тех, кто однажды попадал в этот вишнёвый сад и пробовал плоды с ароматом вина. Юрий Иванович размышлял: приезжали в город молодые специалисты с решимостью добиться успеха в своём деле, построить блестящую карьеру, изменить жизнь страны к лучшему. Но, сталкиваясь с действительностью, финансовыми трудностями, пьянством людей, энтузиазм их с каждым днём угасал. Встречаясь друг с другом, они начинали плакаться в жилетку, сожалея о невозможности изменить мир. И со временем у каждого из них появлялся свой «вишнёвый сад», из которого потом было трудно вырваться. И кто сдавался, судьба готовила тому приговор – преждевременную смерть.

Данилин вернулся в магазин. Алеся пристально посмотрела ему в глаза и по привычке попросила:

– А ну-ка, дыхни.

В этот момент у Юрия Ивановича появилось желание поцеловать жену, такую горемычную, терпеливую, родную. Лишь благодаря ей он смог вырваться из «вишнёвого сада» и вновь

открыть в своей душе когда-то утопленные в вине поэтические способности. Теперь его душа хотела говорить стихами и наслаждаться новыми ощущениями.

Данилин без страха дыхнул. Алеся удовлетворённо сказала:

– Теперь пошли домой и приготовим что-нибудь вкусенькое.

19

Данилины который уже раз шли домой вместе. Совсем недавно, особенно по выходным и пятницам, их пути расходились. Юрий Иванович под разными предлогами сбежал в вишнёвый сад и там окунался в другую жизнь. Алеся, побродив, посудачив с подругами, шла домой и занималась там женскими делами: что-то шила, вязала, стирала, делала заготовки на зиму. Теперь они снова ходили одной дорогой. Их всё чаще и чаще видели вместе в городе, в магазинах, на городских мероприятиях. Несмотря на передряги в работе, в душе Алеся установилось спокойствие. Она даже побаивалась такого непривычного для неё состояния. Мужу в этом не признавалась, боясь спугнуть ростки нового семейного счастья. Она думала: теперь уж точно надо двигаться дальше к лучшей жизни. Юрий Иванович тоже строил далеко идущие планы.

Алеся, не дойдя до своего дома, предложила мужу прогуляться по улицам, зайти в универмаг. Данилин согласился. Город ему нравился, хотя и не стал родным до конца. Это был уютный провинциальный городок, где почти все знали друг друга в лицо. Лежал он среди живописных озёр, обрамлённых сосновыми борами. Центральная площадь города не отличалась оригинальностью. В центре её стоял памятник Ленину, вокруг которого проходили все праздники и политические мероприятия.

Данилины прошлись по рынку, заглянули в книжный магазин, где Юрий Иванович в очередной раз рассматривал самоучители по английскому языку. Его до сих пор не покидало желание выучить этот язык. Хотя когда-то в школе и в университете, рассчитывая на кажущуюся несложность, изучал немецкий и испанский. Теперь он подыскивал наиболее удобный учебник английского языка. Но предлагаемое его пока не устраивало. И в очередной раз обзывал себя дураком, что не учил «инглиш» со школьной скамьи.

Обойдя все отделы универмага, Данилины пошли домой. Алеся в очередной раз, встретив знакомую, остановилась для душевной беседы. Юрий Иванович отошёл в сторонку и задумался о мужиках. Где они? Гуляя по городу, он почти их не встречал. Очевидно, сейчас сильный пол в своих «вишнёвых садах», гаражах, на рыбалке заглушает спиртным обиды, недовольство жизнью. Многие из знакомых уже на небесах, наслаждаются райскими ароматами тамошнего сада. Другие уехали на заработки в Россию. Некоторых из них привозят оттуда в гробах. Так, глядишь, город и без мужиков останется.

Прогулка заняла часа два. Она бы вложилась в один час, если бы Алеся не цепляла при встрече знакомых и не переливала с ними из пустого в порожнее. Уже около своего подъезда Юрий Иванович спросил жену:

– Вот ты мне скажи, о чём каждый раз можно так много болтать? У тебя язык не заболел? Бери пример с нас, мужиков.

– А мне вас трудно понять. Когда вы трезвые, слово из вас не вытащишь. У вас при встрече для общения находятся лишь три предложения: «Привет!», «Как дела?» и «Пока». Но уж когда пьяные – держись. Чего стоит только ваше «Ты меня уважаешь?»

– Это уже не про меня.

– Ну-ну, сплюнь, а то сглазишь.

Данилин постучал по деревянному столбу на всякий случай.

Войдя в подъезд, Юрий Иванович почувствовал знакомый запах древних вещей и перегара. Эта смесь образовалась и впиталась в стены от двух источников. На втором этаже в однокомнатной квартире проживала девяностолетняя старушка, а напротив, в четырёхкомнатной,

обитал с семьёй Иван, вечно приходивший с работы пьяным, часто устраивающий скандалы. Тогда в квартире всё гремело, стучали двери, бились стёкла, в форточки на улицу летели сковородки, кастрюли с непонравившейся едой, звучал сочный, отборный мат. Жена вызывала милицию, Ивана забирали, утром отпускали. И так продолжается уже многие годы. В такой обстановке выросли и их дети. Перегара добавляет и его сосед снизу, глава когда-то счастливой семьи, Коля. Там отношения складываются более опасные. Всё началось с безобидных вечеринок по выходным. Данилины тоже иногда в них участвовали. Казалось, нет семьи идеальнее их. Оба – с высшим образованием, занимают ответственные должности на работе. Но Коля запивал всё чаще и чаще. Жену стал называть жирной коровой, а вот её подругу таких же габаритов восхвалял. И «бомба взорвалась». Один за другим пошли скандалы с драками. Однажды двенадцатилетний сын не выдержал и ударил отца ножом, задев печень. Дело тогда с помощью Данилина замяли, убедив следователя, что Коля сам случайно упал на нож, но семье пришёл конец. Теперь Коля пьёт каждый день, стала прикладываться к спиртному и его жена. Скандалы усилились. В этой связи Данилины часто бегали вниз их разнимать. Юрий Иванович как-то сказал Алесе, что это рано или поздно закончится бедой. Пытались с ними разговаривать на эту тему, советовали разъехаться. Коля с женой обещали что-то сделать. Но на следующий день всё начиналось сначала.

На втором этаже за дверью послышался пьяный голос Ивана. Данилин подумал: сегодня опять в форточку полетит сковородка. Эх, жизнь!

20

В понедельник Данилины, собрав весь коллектив, провели ревизии в двух магазинах. Они прекрасно знали, что продавцы к этому времени возвращают в кассу деньги, чтобы потом снова их забрать. Но ревизии опять «не пошли». Недостачу решили удержать из следующей зарплаты работников. Данилины ещё раз убедились, что кто-то всё-таки подворовывает или делают это все понемногу.

Во вторник утром позвонил Владимир Яровский и сказал, что к ним едут гости. Через полчаса после звонка в кабинете появились девушка и парень, которые представились корреспондентом и оператором телевидения. Они взяли интервью у Юрия Ивановича и Алеси по проблемам торговли российским хлебом и попросили найти желающих высказаться в поддержку этого продукта. Юрий Иванович оперативно поговорил с несколькими пенсионерами, которые захотели стать звёздами телеэкрана. После этого корреспондент «пошла в народ». На следующий день телевидение показало репортаж, но с уклоном защиты местного хлебозавода, руководство которого обещало приложить все усилия для улучшения качества своей продукции. Показали и одного пенсионера с буханкой хлеба, напоминающего сырое тесто. После этих событий люди приходили в магазин к Данилиным и выражали им свою поддержку.

Юрий Иванович понимал, что вся эта шумиха с хлебом ох как не понравится районному руководству, и теперь надо ждать от них ответной реакции. Но прошёл день, за ним следующий. Власть угрожающе молчала. Юрий Иванович махнул на всё рукой и вернулся к делу «взрывателя». Он хотел поговорить с женой пропавшего завхоза. Но опять не получилось. В четверг после обеда жене позвонила её подруга юности Вика, работающая в их втором магазине продавцом, и напомнила об аквариуме, который Данилины обещали её сыну. Жила она с сыном на окраине города в деревянном доме. Правда, год назад появился у неё сожитель Лёня с мотоциклом и велосипедом. Откуда взялся этот парень, никто не знал.

Алеся, пообещав подруге приехать, сказала мужу:

– Давай съездим прямо сейчас. Мы у неё давно не были.

– Какая она тебе подруга! Пристроила воровку в магазин, и что теперь с ней делать?

– На прежней работе её подставили и оговорили.

– Слушай сказки, а у меня от них уши вянут. Ладно, собирайся. Ведь это я её пацану аквариум обещал. А обещания надо выполнять.

Приехав к Вике, Данилины, глядя на дом, удивлённо переглянулись. Дом был отремонтирован, к нему пристроена веранда. Вика, заметив удивление, поспешила объяснить:

– Лёня помогает, у него золотые руки.

Вика была симпатичной женщиной, обладающая шикарными чёрными с синим отливом волосами и такими же глазами. Но от её души веяло холодом, а под её волосами, как Юрий Иванович говорил жене, роились не совсем светлые и чистые мысли. Он ей не доверял. Особенно недоверие усилилось после того, как узнал, что с прошлой работы её уволили за махинации с документами. И недостачи в своём магазине он тоже связывал с ней. Неоднократно предлагал жене её уволить. Но Алеся жалела мать-одиночку и говорила, что подозрение – это не доказательство.

Вика накрыла на стол, поставила бутылку марочного вина и сказала:

– Сейчас должен подъехать Лёня. Но я с ним собираюсь расстаться. Станный он человек. Не знаю, чем занимается в свободное время, в гараж натягал разного барахла и пригрозил, что в случае разрыва отношений гараж заберёт себе.

Юрий Иванович, оставив женщин за столом, вышел на улицу. В это время на мотоцикле «Восход» подъехал Лёня. Их пути уже пересекались. Как-то раз Лёня предложил ему двести метров бухты поливочного шланга, которым якобы рассчитались с ним за работу. Забирали бухту из кустов на окраине города. Тогда еле-еле её в машину затолкнули. Данилин спросил, сколько он должен, но Лёня отмахнулся и сказал, что ему денег не надо, а вот юридическая консультация может понадобиться. И потом каждый раз при встрече его интересовали вопросы семейного права типа: как делится собственность в случае развода супругов, сожителей и что останется в случае смерти одного из них. Такие вопросы Юрию Ивановичу казались странными. Тем более что Лёня не был женат, но, может быть, он хотел создать семью, и тогда этот интерес был естественным.

Данилин встретил Лёню как старого приятеля и спросил:

– Где колесишь, дружище?

– Да уж наколесился по району, пора и отдохнуть.

– Там, в доме, женщины расслабляются. Может присоединишься.

– К спиртному я равнодушен, а перекусить не помешало бы. Но прежде у меня к тебе есть пару вопросов. Ты же знаешь, что я к Вике хорошо отношусь и предлагал ей официально заключить брак, но она не соглашается. Может, ты с ней поговоришь?

– Поговорить-то я поговорю, но в этих вопросах каждый решает сам. Я лишь могу порекомендовать тебя ей как нормального мужика.

– Ну ладно, и на этом спасибо. У меня ещё один вопрос. Если мои пути с Викой разойдутся, могу я забрать себе гараж в качестве компенсации. Я много денег в него вложил. Можешь посмотреть?

Лёня открыл гаражные ворота и загнал вовнутрь мотоцикл. Гараж был металлический, а внутри обит вагонкой. Вдоль стен тянулись стеллажи, на которых действительно на первый взгляд лежал хлам, но присмотревшись, Юрий Иванович заметил несколько электродвигателей, силовой кабель, разные провода, телефонный аппарат, две телефонные трубки с набором номеров и разных размеров коробки. Данилин, осмотрев гараж, сказал:

– Молодец, Лёня! Вложил ты сюда немало сил и денег. Но я тебя разочарую. Если ты захочешь забрать гараж себе, а Вика будет против, то тебе придётся обратиться в суд с иском. А там потребуют документы на него, будут выяснять, кому он принадлежит, и документальное подтверждение твоих затрат.

– Я уже понял, Юра, дело «труба». Ладно, разберёмся. И я тебе вот что хотел сказать. Если вдруг тебе понадобится помощь в бизнесе, например, выбить из кого-нибудь долги или убрать препятствие, обращайся, не стесняйся.

Юрий Иванович внутренне насторожился, но не подал вида и подумал: а что он знает про Лёню? Ничего. По его поведению, высказываниям и внешнему виду с волчьим взглядом можно сказать, что этот человек способен на решительные поступки и действия.

– Спасибо, Лёня, если что, обращусь. А сейчас пошли в дом, нам пора уже уезжать.

– Юра, давай завтра съездим на твоей машине на рыбалку. Мой мотоцикл что-то барахлит, – неожиданно предложил Лёня, дыша в спину Данилину.

Юрий Иванович обернулся, его пронзал колючий взгляд маленьких глаз Лёни.

– Такой вопрос я согласовываю с женой. Если она согласится, то я всегда «за».

Войдя в дом, Данилин обратил внимание на полупустую бутылку вина и, шутя, спросил:

– Вы, очевидно, в юности застряли. Возвращаться собираетесь?

– Сейчас, вот это допьём и вернёмся в реальный мир. Не всё же время вам, мужикам, там находится. И нам иногда в грёзах хочется побывать, – парировала Алеся.

– Ладно, летайте, где хотите, но нам с Лёней полагается компенсация в виде рыбалки, поскольку мы спиртным не увлекаемся. Как насчёт завтра?

– Ха-ха-ха! А если серьёзно, завтра пятница, и у нас много работы.

– Работы всегда много, ты любишь её находить на пустом месте. Отработаю в выходные дни.

– Ладно, катись куда хочешь.

– Ну что, Лёня, лодка у тебя есть?

– Есть деревянная, стоит на одном озере. Я на него постоянно езжу рыбачить.

– Тогда в пять завтра я у тебя.

По дороге домой Юрий Иванович рассказал жене про разговор с Лёней. Алеся, поёжившись, сказала:

– Да, странный человек, и Вика его побаивается, и у меня от его взгляда мурашки по спине бегают. Как ты согласился с ним на рыбалку поехать?

– Не знаю, не знаю...

Юрий Иванович и Лёня на машине уже полчаса петляли по лесной дороге. Наконец она привела их на обрыв живописного озера. Чуть в стороне стоял довольно ещё крепкий дом с яблоневым садом, грядками и картофельным полем. Ещё дальше кучками росли яблони, покрывшиеся мхом от старости. Данилин подумал: когда-то здесь была деревня. От неё остался лишь один дом. В это время из него вышел старенький, бородатый, согнутый в пояснице дед. Он приветственно помахал им рукой. Лёня прокричал ему:

– Здорово, Архипыч! Как дела?

– Топчу землю, топчу, сынки. Выходит, нужен я здесь ещё кому-то. А вы на рыбалку?

– На рыбалку, дед, на рыбалку. Вот тебе гостинец, – Лёня достал из рюкзака бутылку вина и разной закуски и отдал Архипычу.

– Вот спасибо, сынок. Ну, рыбацьте, не буду мешать, – дед бережно прижал бутылку к груди и поковылял в дом.

– Дед глуховат, но ещё крепок, – сказал Лёня, обращаясь к Данилину.

– Как он здесь, в такой глуши, один живёт?

– Сюда иногда рыбаки приезжают, да и сын с невесткой его не забывают. Ну что, Юра, вперёд, заре навстречу! Вон там моя лодка.

Погода была благоприятной для рыбалки. По озеру гулял лёгкий южный ветерок, а по небу медленно ползли тяжёлые облака. За весла сел Лёня и стал грести мощно и умело. Лодка словно полетела над водой. У Данилина возник вопрос: сколько же лет Лёне? Выглядел

он неопределённо. Скорее всего, он младше его на пару лет. В плотной, спортивной фигуре чувствовалась сила. Юрий Иванович спросил:

– Ты когда-нибудь курил, пил? Ты вроде бы не местный, как и я?

– Я из России, из-под Москвы. Когда мой друг в двадцать два года умер от наркоты, я дал себе слово к любой отраве не притрагиваться.

– Я тоже враг наркотиков и сигарет, а с недавних пор и алкоголя. Есть в мире много другого интересного.

– Если бы ещё к этому и деньги были, – лицо Лёни обезобразил оскал наподобие улыбки.

– Денег больших у нас не заработаешь. Вон сколько лет мы с женой бьемся, а получается как рыба об лёд.

– Но, однако, вы живёте, лучше, чем многие из нас.

– А сколько это стоит нервов, здоровья! Щипают со всех сторон. Мои коллеги рэкет в девяностые пережили, меня, слава Богу, не трогали. А теперь, говорят, снова вроде бы появился кто-то, кто моих собратьев держит в страхе.

– Разные и среди вас есть. Многие поднялись на ворованном и теперь жируют.

– Не отрицаю этого, но многие из таких предоставили рабочие места людям и более-менее достойную зарплату.

– Но гнилые души как были у них, так и остались.

Лёня вдруг побледнел и прекратил грести. Его взгляд был направлен в тёмную глубину.

– Что-то случилось?

– Показалось.

Лёня замолчал, но грести стал ещё сильнее к намеченному месту лова.

21

Когда Данилин под вечер вернулся с рыбалки, Алеся спросила его:

– Дорогой, а ты не забыл, что у нас завтра мероприятие по случаю наших дней рождения? И что ты себе думаешь? Кого приглашать? Что на стол? Времени осталось совсем ничего, а тут конь ещё не валялся.

– Не таракти. Традицию нарушать не будем. Всё будет как всегда. Давай лучше отдохнём, утро вечера мудренее.

– Как знаешь!

В супружеском союзе Данилиных просматривалась воля Всевышнего. Небеса им послали знак, который указывал на один совместный путь в жизни. Об этом свидетельствовали прежде всего их памятные даты. Алеся родилась пятого, Юрий Иванович седьмого июля одного и того же года. Четвертого июля они соединили свои сердца для совместной жизни и поклялись друг другу в вечной любви. Данилин потом оценил преимущество такого расклада дат. Их просто невозможно было забыть.

Данилины всегда объединённый день рождения отмечали на природе, на крутом берегу озера в окружении сосен. Из областного центра приезжали братья Юрия Ивановича без жён, их компаньоны по строительной бригаде без жён, а со стороны Данилиных были продавцы и бухгалтерия в полном составе. Иногда принимали участие в мероприятии Семин с гитарой и Борис Бурнович. Брат Николай традиционно дарил сто долларов и говорил хвалебную речь. Благодарил за возможность работать под крылом предприятия «Таргет». Потом пили, ели, пели, танцевали. Приезжие заигрывали с продавцами, гоняя их по кустам и между сосен, купались и снова пили. Но напивались лишь единицы. Юрий Иванович тоже старался быть в форме.

Утром Данилин позвонил Николаю и сказал, чтобы он со своей компанией подъезжал к трём часам к магазину «Стор», а сам с женой стал поджидать машину с хлебом. Она, как всегда, приехала вовремя и стала под выгрузку. Яровский принёс документы в бухгалтерию.

И в это время с криком «Всем стоять и не шевелиться!» в магазин ворвался ОМОН. После этого в кабинет бухгалтерии вошли начальник ОБЭП Баскаков, начальник налоговой инспекции Туранова и главный санитарный врач Колц. Баскаков сразу же забрал документы по хлебу. Юрию Ивановичу стало смешно, и он сказал:

– Ожидал чего угодно, но вы, господа, с ОМОНОМ явно переборщили. Бог всё видит, поэтому можете действовать, как вам совесть позволит.

За всех объяснил Колц:

– Поверь, Юрий Иванович, это не наша инициатива. Рано утром в налоговой инспекции нас собрал председатель исполкома и сказал, что если мы не можем справиться с Данилиным, то он сделает это сам. Он стоял у окна и ждал, когда появится машина с хлебом. Вот мы и здесь.

Баскаков «вставил свои пять копеек»:

– Надо было бы проверить складские помещения.

– Тебе надо, ты и проверяй, – отозвался Колц.

Юрий Иванович, глядя на начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями, подумал: как всё-таки меняются люди в зависимости от ситуации. Колц как был порядочным человеком, таким и остался. А Баскаков ещё недавно в качестве инспектора приходил к нему в прокуратуру подписывать «слабенькие» материалы для направления в суд, которые Данилин, закрывая глаза, подписывал, теперь этот человек побежал на склад выискивать «жучки». Через пять минут он вернулся и опять сказал главному санитарному врачу:

– Там на складе стиральный порошок, наверное, неправильно хранится.

– Послушай, Георгий, не лезь ты не в свои дела. Давай займёмся хлебом.

– Итак, Юрий Иванович, мы вашу машину с хлебом забираем в отдел и там будем разбираться, – заявил довольный борец с преступностью.

– Ну, во-первых, он не мой, я документы о его приёме не подписывал. Стоит под окном какая-то машина с хлебом, ну и пусть себе стоит. Это не моё дело. И во-вторых, я надеюсь, ты знаешь, чей это хлеб, и наверняка тебе с этим человеком придётся встретиться в ближайшие дни.

Через некоторое время в магазине установилась гнетущая тишина. Юрий Иванович подумал: пусть теперь с этими проблемами разбирается олимпийский чемпион. А у него, Данилина, праздник, и этому празднику быть.

Под руководством Алеси подготовка к банкету закипела. В какой-то степени в ней были задействованы все участники предстоящего праздника. В итоге опять было приготовлено много вкусных блюд.

Мероприятие прошло по сценарию прошлых лет. Было маленькое, но существенное отличие. Данилин на этот раз не напился. И разве от трёх запрограммированных стопок вина напьёшься? А к четвёртой он побоялся притронуться. Кроме этого, Данилины заметили, как Николай усиленно обхаживал главного бухгалтера Любовь Владимировну, которая была не только специалистом от Бога, но и воплощением женственности. Она пришла к ним на работу после развала её организации. Растила двух детей. Муж пил, но деньгами помогал, если оставались от пьянок. Может, Коля решил за ней приударить как за женщиной? Но показалось странным их совместное долгое обсуждение какой-то темы. Юрий Иванович над этим призадумался, но потом про них забыл. Он сидел у костра, слушал песни Сергея Сёмина под гитару, у него в голове вновь начали рождаться поэтические строки:

Искорки взлетают в небо,
С ними часть моей души.
Всё, что сильно наболело,
Небо, там их затуши.

В воскресенье народ отмечал День города. И Данилины, как говорится, попали с корабля на бал. В этот день они сходили на площадь и, как все, потолкались, послушали «самодетельность», пообщались со знакомыми, которых было хоть пруд пруди, и вернулись в магазин, чтобы помочь продавцам обслуживать покупателей, от которых дверь в магазине не закрывалась.

А в понедельник Данилины решили провести внезапную ревизию в другом магазине, который находился в здании железнодорожного вокзала и занимал его половину помещений. Данилину за него пришлось побороться. А началось всё с вроде бы безобидной жалобы. Её написала одна пенсионерка, которая просила прекратить в магазине торговлю спиртным, потому что это якобы угрожает безопасности движения поездов. Ну а проверяющим дай только повод. В магазине побывали все, кому не лень, то есть были все контролирующие органы. Приезжал даже генерал – начальник линейного отдела милиции. Юрий Иванович с ним долго беседовал и убеждал его, что продажа спиртных напитков в данном месте не вред, а в какой-то степени и польза. Местный народ стал меньше пить самогонку, «палёнку», неочищенный спирт. За время работы магазина случаев попадания пьяных под поезд не было. Кроме этого, у него имеется законно выданная лицензия на право торговли спиртными напитками, и он платит налоги не в пример самогонщикам, которых здесь ловить-не переловить. Скорее всего, они и пишут жалобы.

С генералом Юрий Иванович тогда остался в хороших отношениях. Больше к этому вопросу никто не возвращался.

Теперь делегация во главе с Данилиным зашла в этот магазин. Алеся объявила испуганному продавцу, что магазин закрывается на ревизию, а после подведения её итогов испугались уже ревизоры. Недостача выходила за рамки разумного. В праздник работала Вика, но, судя по копеечной выручке, магазин или вовсе был закрыт, или деньги пошли в карман продавцу. Кроме этого, были выявлены факты завышения цен, что могло привести к лишению лицензии на право торговли. Алеся вызвала всех продавцов магазина на «ковёр» и доложила о результатах ревизии. Когда она закончила, Юрий Иванович сказал:

– Я прошу всех вас написать объяснения и честно покаяться в своих грехах. На прошлом собрании были изложены наши требования, вы их знаете, поэтому сегодня мы вынуждены уволить Вику. Мы пока не будем предавать огласке этот факт, иначе с плохими рекомендациями вас в городе на работу никто не примет. Кстати, – Данилин посмотрел на Вику, – у Кравцова освободилось место продавца, он просил кого-нибудь ему посоветовать. Я могу замолвить словечко за тебя.

Вика плакала. Сквозь слёзы она сказала:

– Я деньги верну, но объяснение писать не буду, – и ушла.

– Остальных, если, конечно, они хотят остаться на работе, прошу написать сочинения.

Все оставшиеся продавцы согласились покаяться в грехах. Через двадцать минут директор, держа листочки с объяснениями в руках, продолжил:

– Эти ваши шедевры я сохраню на память, и о том, что вы там написали, никто не узнает. Но и я рассчитываю в дальнейшем на вашу честность и порядочность.

Возвращаясь уже поздно вечером с работы домой, Юрий Иванович сказал Алесе:

– Несмотря ни на что, жизнь прекрасна и интересна своей непредсказуемостью. И я думаю, мы сами своими действиями, стремлениями предопределяем её ход. Что нас ждёт завтра – неизвестно, но я уверен, что мы движемся в правильном направлении, и нам за наши праведные дела когда-нибудь воздастся.

Глава вторая

1

Двадцать пятого августа вечером Данилин позвонил двоюродному брату Пете, который жил на Смоленщине, и сообщил, что завтра по пути на могилку к отцу заедет и к нему в гости. Двадцать шестого августа утром Юрий Иванович, его мать и Алеся отправились в путь. Почти каждый год в этот день Данилин находил время, чтобы навестить отца и побродить по родным местам. Сейчас от его деревни осталось лишь название. Последний её житель, друг Юрия Ивановича, Мишка, умер совсем недавно. Нашли Мишку в его же родном доме, в кровати. Когда об этом рассказали Данилину, он тогда подумал, что на небесах другу будет лучше, чем быть одиноким хозяином опустевшей земли. Хотя сейчас по дороге туда Юрий Иванович думал уже по-другому: жизнь всё-таки лучше, чем смерть.

Пётр и его жена Нина встретили Данилиных не только как родственников, но и как друзей. У Пети было ещё два родных брата. Но они, не победив всем известный порок, ушли в мир иной, оставив ещё относительно молодых жён вдовами с детьми на руках. Петя с тех пор спиртного в рот не брал и сейчас в своём посёлке очень хорошо жил. По два раза в год с семьёй – а были у него уже взрослые сын и дочь – бывали на отдыхе в тёплых краях. Каждый раз, увидев брата, Данилин всегда удивлялся его внешности: Петя был рыжий. Очевидно, далёкие предки цветом волос хотели постоянно напоминать о себе.

Посёлок, где жил брат, граничил с Беларусью. И сейчас, как и каждый раз, сидя за обильным столом, Юрий Иванович не преминул удивиться:

– Да, пути Господни неисповедимы. Кто мог подумать, что я, родившись в этих местах, а потом, помотавшись по белу свету, найду себе жену из белорусской деревни, до которой рукой подать от вашего посёлка?

И все как всегда удивлялись этому факту.

Погода была сухой, и дорога была такой же, поэтому на машине Данилины доехали почти до кладбища. На могилке Ивана Данилина женщины выпили по сто граммов вина, после чего Галина Трофимовна сказала:

– Папка твой, сынок, был хорошим человеком, добрым. Моя с ним дружба началась ещё во время войны, которая потом переросла в любовь. После войны Ваня ушёл служить в армию в сапёрные войска, где каждый день рисковал жизнью. Вернулся домой лишь через пять лет и сразу же уехал учиться в Смоленск, в ремесленное училище. Всё это время я его ждала, и, когда Ваня вернулся в деревню насовсем, мы поженились и стали налаживать быт, а потом появился и ты, сынок. И всё было бы хорошо, но в армии твой отец заболел, и ему уже на гражданке удалили половину лёгкого. После этого он и стал попивать, правда, временами. Как он сам объяснял, спиртным он заглушал головные боли, очевидно, вызванные последствиями операции. Но это не мешало ему быть заботливым и доброжелательным мужем и отцом.

– Да, я это чувствовал. Особенно в нём удивляла аккуратность во всём. У него всё было разложено по полочкам, ящичкам. Вся одежда висела, а обувь стояла на своих местах. К сожалению, мне это не передалось. И хорошо, что отца мы похоронили здесь, в родной земле, среди земляков, выполнив его волю.

Юрий Иванович цементом замазал на памятнике образовавшиеся за зиму трещины, сходил на свежую могилку к другу Мишке и поставил около креста стаканчик с вином. Потом пути компании разошлись. Мать решила поискать грибов в берёзовой роще, Алеся с ведром пошла нарвать слив, а Юрий Иванович, как в детстве, вприпрыжку побежал к реке, вспоминая свои первые стихи:

Люблю босой я утром ранним
Под луч, блеснувший вдалеке,
Бежать по капелькам хрустальным
К туманной ленточке-реке.

Вот и река. Данилин задумался: недлинный путь у речки. От озера до другой реки будет по прямой километров тридцать. Но если учитывать все ее причудливые изгибы, наберется вдвое больше. До недавнего времени на ее берегах тянули более-менее сносное существование около двадцати деревень. Сейчас их осталось половина. В остальных как-то разом жизнь угасла. О них напоминают лишь покосившиеся дома – призраки и кладбища, куда еще приезжает народ на Радуницу и Духовскую субботу.

Когда-то на реке скрипело несколько мельниц. Деревенской детворе казалось, что это какие-то исполины из сказок. Нет уже и этих мельниц, свидетельствующих о том, что рядом жил человек, нет и плотин, поддерживающих уровень воды в реке.

Данилину посчастливилось «застать в живых» такое чудо инженерной мысли. Его улица как раз и вела к такой мельнице. Это было излюбленное место детворы и летом, и зимой. Летом они наблюдали, как зерно превращается в муку. Сначала поднимались мешки с зерном наверх, высыпались в воронки, потом открывались заслонки, и зерно, попадая в жернова, перемалывалось. Но главное, весь тяжелый механизм крутила вода, падающая с плотины на колесо. Здесь же был пляж на несколько деревень, глубокий, широкий вир и кишела рыба: огромные голавли, щуки, налимы и без счёту разной мелочи. А зимой падающая с плотины вода замерзала, и под ней появлялась ледяная пещера с причудливыми сосульками. Дети часто туда забирались и просто сидели и наслаждались настоящей сказкой.

Потом мельница оказалась не у дел, и ее постепенно разобрали, но плотина осталась, удерживая воду. И были в реке глубокие виры, и много разной плавающей живности. Данилин вспомнил, как однажды после длительного ненастья он с другом пошёл на речку порыбачить. На подходе к ней в душу закралась смутная тревога. Что-то в речке изменилось. Когда пришли на берег, ахнули. Там, где был вир, в котором купали коней и дна нельзя было достать, воды осталось по пояс. Они в растерянности пошли вниз по течению. Везде воды было по колено. Когда дошли до плотины, увидели, что ее-то и нет.

Со временем все оправилось от стресса, и река в том числе. Появились новые виры, правда, не такие глубокие, и рыба измельчала. Но все успокоились.

Много было версий на этот счет, но они так ими и остались.

Жил в деревне Иван Захарехин. Так его звали по имени отца. Перед смертью Иван покался и рассказал, что это он с мужиками из районного центра разобрали плотину. Те быстро и скрытно ее увезли. А Иван после этого места себе не находил, глядя на обмелевшую речку. Но людям боялся признаться. Так он со своей болью и жил. И последние его слова перед смертью были «Простите меня, люди».

Иван был хорошим, крепким хозяином, помогал людям. И расскажи он сразу о содеянном, его бы простили. И, возможно, жил бы дольше, не изводя себя виной.

Нет уже деревни с её суетой, не скрипит мельница. Остались они лишь в памяти, и он, Данилин, стал свидетелем, как многовековая история его деревни закончилась. Этими местами полностью завладела дикая природа. Может быть, когда-нибудь в эти прекрасные места снова вернется человек.

Данилин пошёл по местам, которые ему показал Мишка. Он увидел проход в лозе, добрался по нему до берега и забросил удочку. В воде мелькали быстрянки, но вдруг из глубины поднялся язь. Он посмотрел на рыбака и снова скрылся в омуте. В это время поплавок тоже ушёл под воду. Подсечка – и на берегу оказался крупный елец. Юрий Иванович

подумал: в реке опять появилась рыба. Надо обязательно приехать сюда с ночевкой и отвести душу. Через час вся компания собралась возле машины. Алеся набрала ведро слив, мать нашла с десяток подберёзовиков и, кроме этого, принесла три берёзовых прутика с корнями и сказала:

– Посадим их на даче, пусть будет память о нашей земле и обо мне, когда умру.

– Помирать тебе ещё рано, но берёзки обязательно посадим все вместе, – сын бережно положил их в багажник машины и прикрыл мокрым полотенцем.

После этого Данилины опять уехали в суету, туда, где кипели страсти, где жизнь преподносила им всё новые и новые сюрпризы.

2

Данилины и Яровские приняли решение: хлебом в магазине «Стор» больше не торговать. Но их попытки побороться за интересы простого народа, за их право выбора повлекли за собой серьёзные последствия. Был уволен бессменный руководитель хлебозавода. На его место пришёл молодой, энергичный человек. И начал он свою деятельность с улучшения качества продукции. Хлеб стали делать из муки высшего сорта, а не из той, которую раньше по «сусекам скребли». Принципиального начальника ОБЭП Баскакова подловили на взятке. И теперь он в изоляторе временного содержания дожидается суда. Разные об этом ходили слухи. Некоторые говорили, что свои сдали, другие – что враги подставили. Но находились и такие, которые были уверены, что в этом деле не обошлось без Данилина и Яровских. Но, так или иначе, человеку с подленькой душой не место было среди порядочных людей.

У Данилина появилось больше свободного времени. Теперь оно не тратилось на хмельные посиделки в вишнёвом саду, меньше стали дёргать проверяющие. Товары в магазины завозились оптовиками и производителями. Теперь Юрий Иванович решил вплотную заняться делом «взрывателя». Правда, тот пока притих. Может быть, отказался от своих намерений или произошли какие-то серьёзные изменения в его жизни.

Лето подходило к концу, не успев начаться. Время не быстротечно, оно мгновенно.

Юрий Иванович сидел в своём кабинете и анализировал известные по делу факты: итак, что мы имеем? А имеем мы взрыв машины предпринимателя. Через некоторое время последовали звонки с угрозами всем крупным коммерсантам, кроме него. Следствие ищет злодея среди его, Данилина, коллег и предпринимателей с рынка. Кстати, среди последних работает много завистливых людей, готовых подставить подножку любому, кто станет на их пути. И хоть образование они имеют высшее, уровень воспитания у них низкий. Недавно он был свидетелем серьёзной стычки между двумя предпринимателями при постановке вещей на хранение в его дом. И там звучали реальные угрозы друг другу. Среди такого контингента мог найтись «взрыватель». Но Данилин опять вернулся к основной версии. Следователи установили, что звонили с уличного телефонного щитка с помощью, очевидно, специальной трубки, имеющей приспособление для набора номера. Такие он видел в гараже у Лёни. Надо выяснить, где он сейчас. После поездки с ним на рыбалку прошло где-то полтора месяца. Данилин не забыл его по-волчьим колючим взглядам и испуг, когда Лёне что-то померещилось в воде.

Юрий Иванович отложил бумажки с записями и поехал к Вике. Несмотря на прошлые дела, отношения у них остались нормальными. По его рекомендации она теперь работала продавцом у Кравцова. Войдя в магазин, Данилин кивнул ей и сказал:

– Есть пару вопросов.

Обслужив покупателя, Вика застыла в вопросительном ожидании.

– Вика, мне надо как-то встретиться с твоим сожителем. Он же деревянных дел мастер. А я хочу веранду отремонтировать в доме. Где его можно найти? – спросил Юрий Иванович.

– Мы расстались месяц назад. Но он иногда приезжает и забирает своё барахло из гаража. Сейчас он у одной женщины делает ремонт дома и, по слухам, там же и живёт. Это где-то возле родника.

Данилин поблагодарил Вику и поехал к роднику, который находился почти в центре города на склоне крутого спуска к реке. Недавно источник благоустроили: к нему проложили бетонную дорожку, сделали ступеньки, лавочки. Но после того как провели анализ воды, санстанция порекомендовала её не пить.

Юрий Иванович оставил машину в начале узкой улицы, ведущей к роднику, и пошёл пешком. В конце улицы стоял добротный дом, в котором проживала жена исчезнувшего завхоза суда. Дойдя до источника, Данилин попил прозрачной, холодной водички, присел на лавочку и стал обдумывать план дальнейших действий. Вокруг лавочки валялись окурки сигарет, одноразовые стаканчики, грязная бумага. «Что за народ? – подумал он. – За собой убрать не могут». Потом Данилин решительно встал и пошёл к дому завхоза, размышляя: его жена меня должна помнить. Я её Толю пару раз с рыбалки подвозил и в дом заходил. На крыльце Юрий Иванович осмотрелся. Заметил следы ремонта и под крышей связку сушёных подлещиков. Он постучал. Через некоторое время вышла яркая, сочная женщина лет сорока пяти.

– Привет, Надя! Как дела? Справляешься без мужа?

– Да мне и с мужем приходилось справляться самой. Лентяем был муж, к тому же и попил и на рыбалке пропал.

В проёме двери появился Лёня. Он посмотрел волчьими глазами на Данилина и сказал:

– Привет, Юра! Каким ветром тебя к нам занесло?

– Вот не поверишь, специально искал тебя. Я, собственно, ненадолго. Есть у меня одна просьба. Примерно через месяц я планирую переделать веранду в доме и вот хочу заранее к тебе в очередь записаться. Запишешь?

– Ну что же, буду иметь в виду. Хотя за месяц много воды утечёт. И что там будет, неизвестно. А пока я ремонт здесь делаю и, может, останусь жить, даже если даже объявится муж Нади. Мы так решили.

– Да, да, если объявится Толя, я на развод подам. Я его и так почти не видела. К тому же и детей у нас нет.

– Я на вашей стороне. Кто как может, так и устраивает свою судьбу. Главное, чтобы обоим было уютно и комфортно вместе, – Данилин посмотрел на сушёную рыбу.

Заметив это, Лёня предложил:

– Угощайся, Юра. Эта рыбка с того озера, где мы с тобой рыбачили.

– Да, глухие, но прекрасные там места. Рай, наверно, для браконьеров с сетями, электродочками.

– Я этим не увлекаюсь, но рвануть глубину могу. Если хочешь, давай ещё раз туда съездим.

– Если Надя нас отпустит, то съездим. Тем более мы оба не пьющие. Как он, Надя, насчёт этого? – Данилин щёлкнул себе по горлу.

– Таких я ещё не встречала. Пару стопок выпьет, а потом целый вечер закусывает.

– Наверное, мужскую силу для тебя бережёт.

Надя засмеялась.

Юрий Иванович сорвал подлещика и спросил:

– Может, вы мне резиновую лодку Толика продадите? А то моя уже на ладан дышит.

– Чего не могу, того не могу. Самому нужна. Вдруг захочется на другом озере поплавать.

– Ну что же, спасибо за угощение, и я, Лёня, надеюсь на тебя.

– Если получится, обязательно помогу.

Данилин вернулся в свой кабинет, придвинул листки и снова углубился в анализ. Что он имел против Лёни? Зарабатывал тот на жизнь ремонтом и строительством домов. Значит,

копейка водилась. Вдобавок к этому приворовывал по мелочи. Практически не пьёт, обладает хитрым умом и силой воли. В гараже хранил две телефонные трубки с диском для набора номеров. На рыбалке может глушить рыбу, значит, есть чем взрывать. С завхозом Толей знаком. Возможно, ездил с ним на рыбалку и там его убил. И сейчас, как ни в чём не бывало, спокойно живёт с его женой. Надя не актриса, и по её виду и высказываниям можно сделать вывод, что она к исчезновению мужа не имеет отношения. И ещё всплыл существенный факт: Лёня предлагал ему услуги по устранению конкурентов. Юрий Иванович ещё раз пробежался по записям и сделал вывод: всё сходится на Лёне. Теперь осталось доказать в суде его вину. А для этого надо найти труп завхоза и поймать Лёню за руку в момент ночного звонка кому-то из предпринимателей с угрозами. Данилин сделал ещё один вывод: за Лёней надо установить слежку, но он не герой из ментовских сериалов, и сам этим заниматься не будет. Преступника должны взять доблестные сотрудники милиции. А он свою миссию выполнил, возможно, вычислив злодея.

Юрий Иванович позвонил Добровскому и договорился о встрече. Заместитель начальника милиции предложил встретиться в сквере напротив здания райисполкома. Через пятнадцать минут они уже сидели на лавочке. Данилин подробно рассказал о своих выводах, обратив внимание на Лёнин внезапный испуг на рыбалке. В том месте, где это произошло, возможно, утоплен труп завхоза. Добровский, всё записав, пообещал вплотную заняться Лёней.

Оставшись один, Данилин почувствовал усталость и в голове, и во всём теле и подумал: надо прогуляться. До вишнёвого сада было рукой подать. Сейчас конец рабочего дня, а значит, там уже кто-то есть. Какая-то сила потянула его туда. Душа заволновалась, мелькнула мысль: а может, расслабиться?

За знакомым до боли столом сидел Сергей Сёмин в компании двух ребят с кинофикации. Он, как всегда, казался слегка выпившим, хотя под столом уже валялись несколько пустых бутылок из-под вина. Увидев Данилина, он крикнул:

– Давай, Юрка, присоединяйся к нам.

– Привет, мужики! Да я, как говорится, за рулём, – произнёс в задумчивости Юрий Иванович, ещё не приняв окончательного решения.

– Что-то твой «руль» затянулся. Ты что, закодировался? – заметил один из парней.

– Не совсем. Сергей может подтвердить. Был у меня на дне рождения.

Сёмин закивал головой и сказал:

– Да, видел, пил вино, а не воду.

– Я пришёл сюда по старой памяти. Иногда скучаю по саду. Говорят, в нём вишни были, как никогда, крупные и с ароматом вина.

– А с каким ещё ароматом им здесь быть? Не с водочным же. Водку здесь не пьют, сам знаешь, – вмешался в разговор другой парень из кинофикации, по имени Витя.

– Жаль, не попробовал. Некогда было. Наверное, слышали про «хлебную войну», да и текучка не отпускала.

– Очень не расстраивайся. Кто закусывает этими вишнями, долго не живёт. Вишнёвый сад понёс очередную потерю. Умер Жора из-за речки, не дотянув до пятидесяти от цирроза печени, – проинформировал Витя.

Данилина пронзила мысль: сегодня пить он не будет и, содрогнувшись, сказал:

– Хватит о плохом. Я думаю, нам это не грозит. Как дела у вас со зрителем на селе?

Витя, похоже, больше всех захмелев, продолжил разговор:

– Дела у нас плачевные. Что говорить про деревню, если городской кинотеатр закрылся. Закрываются и клубы. А причины простые: реорганизация хозяйств; почти не осталось молодёжи в сельской местности; пьянство; ну а кто работает от темна до темна, тому не до «кина».

– Да, перспективы у вас не радужные. Ну ладно, думайте, что вам с этим делать, а я хочу забрать от вас Сергея на пять минут.

Юрий Иванович посмотрел на Сёмина и предложил:

– Давай прогуляемся по саду.

Они прошли в дальний его угол.

Данилин нарушил молчание:

– Похоже, саду скоро придёт конец. Деревья уже старые. Некоторые вон на глазах засыхают. А у тебя как дела? От жены узнал, что вы девочку удочерили.

– Да уж, как месяц живёт у нас. Ей три годика. Жена полностью ушла в неё. Меня к ребёнку боится подпускать. Я, наверное, уеду на родину. Тем более что председатель исполкома начал на меня косо смотреть, стал придирается по разным мелочам. Чувствую, кто-то меня подсиживает.

– А может, тебе стоит подумать о другой женщине? В городе их много, одиноких и порядочных.

– Подружился я тут с одной. Викой зовут. Работала у тебя продавцом. Хорошая, аккуратная женщина. Я у неё два раза уже был. И ты знаешь, мне у неё понравилось.

Юрий Иванович, пытаясь скрыть удивление, смог лишь сказать:

– Тогда успехов тебе, Сергей. Пойду и я свои вопросы решать.

По дороге домой Данилин рассуждал: чудесная всё-таки эта штука жизнь, и пути Господни неисповедимы.

3

Первого сентября в двенадцать часов ночи в квартире Данилиных раздался телефонный звонок. Алеся рванулась к аппарату. Юрий Иванович напряг слух. Последние три дня и три ночи они ждали звонка из США от дочери. Там решалась её судьба, и, может быть, всех их.

– Мила, это ты? Мила! Ну, слава Богу! Мы здесь места себе не находим! Как дела?

У Юрия Ивановича отлегло от сердца. Значит, у дочери всё нормально, хотя в ней и не сомневался.

Алеся продолжала разговаривать:

– Ты окончательно решила остаться? А что нам делать с твоим университетом? Ладно, сейчас дам папу, он лучше разбирается в этом.

Данилин взял трубку и сказал:

– Привет, Мила! Твоё решение остаться полностью поддерживаю. Если есть возможность зацепиться за лучшую жизнь, надо ей воспользоваться.

Дочка, рассказав ему о своих планах, попросила узнать реакцию университета на её действия и собрать необходимые документы для дальнейшей учёбы уже в Америке. Данилин передал трубку жене и вышел в другую комнату, оставив женщин решать женские проблемы. Со слов дочери он узнал, что Мила понравилась хозяйке ресторана. Хозяйка предложила ей поработать администратором и развлекать посетителей заведения игрой на пианино, пообещав открыть, а потом продлить рабочую визу. Юрий Иванович подумал: да, это был шанс для дочери зацепиться за новую жизнь, получить американское образование, выйти замуж. Хотя сам он этой жизни не представлял, но ему казалось, что там другой, лучший мир.

Через два дня Мила снова позвонила и назвала, какие ей нужны документы. А ещё через два дня Данилины были уже в Минске и в кабинете декана факультета международных экономических отношений университета обсуждали возникшую ситуацию. Декан им объяснял:

– По закону мы вынуждены будем вашу дочь отчислить, но если она вернётся и захочет продолжить учёбу, через год мы её восстановим. Все нужные вам выписки из документов вы можете получить в архиве и в нашей поликлинике.

Оставшуюся часть дня Данилиным пришлось побегать по Минску. Помогло то, что Юрий Иванович знал город как свои пять пальцев. Будучи студентом, он с друзьями успел побывать

во многих шумных и тихих местах столицы. До конца рабочего дня они успели собрать необходимые документы, перевести их в Торговой палате на английский язык, заверить у нотариуса, подписать опять же в Торговой палате и отправить зарпочтой в США.

Уже поздно вечером Данилин, возбуждённый после поездки в Минск, лежал в кровати рядом со спящей женой и думал о США. Иногда действия этой великой страны его удивляли. Вместо того чтобы с Россией совместными усилиями вести борьбу с терроризмом, наркоманией, смертельными заболеваниями, она пытается всеми силами ослабить Россию, разрушая как себя, так и другую страну. Не одобрял он и вмешательство Америки в дела других государств, внедрения в них своей якобы истинной демократии, что порой приводило к многочисленным человеческим жертвам. Данилин считал, что каждый народ имеет право на своё понятие о демократии. Юрий Иванович, уже засыпая, сделал вывод, что человечество находится ещё в колыбели развития. Технический прогресс движется вперёд, а вот сознание остаётся дремучим, иначе как можно объяснить войны и уничтожение друг друга. А может, это такой путь развития цивилизации? И дорога в рай лежит через войны и страдания?..

В ночной тишине вдруг раздался пронзительный звонок домашнего телефона. Данилин подскочил, поднял трубку и сказал:

– Алло, я слушаю.

На другом конце провода в трубку кто-то дышал. Юрий Иванович это отчётливо слышал. А потом пошли короткие гудки. Данилин напрягся и подумал: это не дочка. В трубку дышал кто-то другой. Что бы это могло значить? Он вернулся в спальню. Жена спала, устав в дороге. Её не стал будить, тихонько лёг рядом. На душе стало тревожно. Посмотрел на часы. Было два часа ночи. Мысли его были парализованы. В них застряли лишь два вопроса: «кто?» и «зачем?»

Но Юрий Иванович устал, не хотел искать на них ответ и стал проваливаться в сон. Перед глазами поплыли огненные языки. Данилин вздрогнул, снова подскочил и посмотрел в окно. Там, за банком, горел их дом. По улице бежали люди, и он, что-то на себя накинув, толкнув Алесю, побежал на пожар. На улице столкнулся со сторожем Прокопом, который закричал:

– Иванович, я не виноват! Кто-то поджёг веранду с вещами предпринимателей.

– Ладно, не паникуй, разберёмся. Когда приехала пожарная машина?

– Только что, я сам бегал её вызывать.

Возле дома Данилин увидел пожарную машину и нескольких огнеборцев, заливающих веранду пеной. Огня уже не было, но шёл густой, едкий дым. Дом не пострадал, а вот крыша веранды рухнула, завалив сумки, коробки, баулы, точнее то, что осталось от них. Прибежала Алесь и запричитала:

– Господи! Да когда же у нас начнётся спокойная жизнь?

– Успокойся, это не горе. Без веранды можно обойтись, – а про себя Данилин подумал: похоже, накаркал я её ремонт, когда разговаривал с Лёнкой.

Юрий Иванович жене о своём расследовании и о ночном звонке рассказывать пока не собирался. Не хотел её лишний раз волновать, решив, что сделает это потом, когда всё утрясётся.

Подошёл начальник пожарной части и спросил:

– Ну и какие, Иванович, будут версии?

– Пока версия одна – поджог. Проводка в доме была нормальной. Сам её делал. На веранде имелась лишь одна лампочка для освещения. Что бросается в глаза, так это эпицентр пожара. Судя по выжженному месту, он находился в центре вещей торгашей. И, возможно, кто-то из них и совершил поджог, бросив через окно веранды зажигательную смесь. Ты же сам знаешь этих челноков, как они грызутся между собой. Может быть, что-то не поделили. Тем более я заметил, что ставили здесь свои вещи намного больше человек, чем положено по договорённости со мной. А вчера мои клиенты ездили в Москву и пополнили запасы

товара. Сторож, по всей видимости, подвыпивший спал и, слава Богу, что он не сгорел и вовремя вызвал твоих бойцов.

– Разумная версия, будем проверять.

Утром возле сгоревшей веранды собрались индивидуальные предприниматели, хранившие там свои вещи. Данилин с ними разошёлся мирно. Те, чувствуя свою вину, претензий не высказали. А вот пожарные удивили, выдвинув версию поджога – самовозгорание. Оказывается, в одной из сумок находилась игрушка с батарейками, которые замкнули. И, как говорится, «из искры возгорелось пламя». Данилин подумал: всякое бывает, спорить не стал и решил «завязать» с мебельным бизнесом и хранением товара. Как говорится, наелся по горло. Пусть этим теперь, если хотят, другие занимаются.

4

Незаметно подкралась пора завершения дачных земельных работ. Каждый, невзирая на должности, положение в обществе, имел клочок земли, на котором что-то выращивалось в зависимости от способностей и фантазии его хозяина. Весь сентябрь, в ущерб основной работе, эти люди ползали по земле в разных позах, заготавливая себе пропитание на зиму. И это ползание стоило того. Без заготовок на маленькую зарплату народу трудно было прожить. Надо отдать должное государству: землю оно давало всем, кто хотел на ней работать, но люди при этом становились её рабами.

У Данилиных, по местным меркам, земли было много. Они как-то прикидывали: вместе с постройками – около гектара. Юрий Иванович часто говорил жене: «Зачем нам издеваться над собой? Давай оставим для грядок и под картошку соток двадцать, а от остальной откажемся». Алеся всегда возражала и отвечала, что она не может так поступить, ведь столько трудов уже вложено в землю. И люди тоже им говорили, мол, имея магазины, зачем в земле копать. Алеся возражала, что магазинное не сравнишь с экологически чистыми овощами и фруктами, выращенными собственными руками. И когда у Данилиных были гости, она вела их в подвал и с гордостью показывала свои заготовки. А на кухне в то же время в вазах лежали магазинные списанные мандарины, апельсины, яблоки, в холодильнике не переводились помидоры, огурцы... Юрий Иванович не мог понять психологии жены и постоянно ворчал по этому поводу, но снова и снова ехал на дачу и пахал, как приговорённый.

Вот и на этот раз к концу сентября всё было убрано, перекопано, закатано, засолено, заложено на хранение. Оставалась лишь одна работа – спускаться в подвал и поставлять всю эту красоту и вкуснятину на кухню к столу, что Данилин делал с охотой, особенно до «завязки». В подвальчике соседа Коли часто собиралась весёлая компания, где Юрию Ивановичу всегда наливали сто граммов. По сути дела, это был «вишнёвый сад» в подzemелье со своими обитателями и вкусенькой закуской. Правда, за каких-то последних полгода компания сократилась до двух человек. Один из Колиных друзей «сгорел» от спирта, другой уехал на мотоцикле в лес и там повесился. Лишь неделю назад его обнаружили грибники. Выяснилось, что он обиделся на слова тестя, что, мол, нам такой алкаш в доме не нужен. А ведь оба погибших были с высшим образованием, занимали не последние должности в строительной организации. Теперь к Коле часто стал заглядывать его тёзка, и они уже целую неделю поминали своего друга, напиваясь до отключки.

В последний день сентября вечером Данилин, спустившись в подвал за картошкой, стал свидетелем разговора. За стенкой кладовки Коля жаловался другу:

– Моих сил больше нет жить с этой змеей, дети тоже настроены против меня. Ушёл бы, да некуда. Один выход остался, уйти в лес и как друг...

– Да ты что, Коля, выброси эти мысли из головы. Лучше уж от водки загнуться, чем в петле болтаться. Завтра выходной, поедем к Оле, вытопим баньку, посидим, поговорим. Женщина она одинокая, с твоей на ножах, может, что предложит. К тому же она тебе нравится.

– Не знаю, не знаю... может быть... Ладно, давай выпьем.

Данилин поднялся в квартиру и об услышанном рассказал жене. Алеся возмутилась:

– Вот видишь, что делает водка с человеком! А ведь совсем недавно идеальная семья была. Им срочно надо разбежаться. Иначе быть беде.

После этих слов Алеся укоризненно уставилась на мужа.

– Ты на меня так не смотри, к старому возврата больше нет, – успокоил её муж и продолжил цитировать Есенина: – Ты одна мне помощь и отрада, ты одна мне несказанный свет.

Юрий Иванович поцеловал жену, потом, решив перечитать стихи талантливейшего скандалиста 20 века, нашёл на полке томик Есенина, удобно уселся в кресле, поджав ноги, и углубился в чтение.

На следующее утро в семь часов раздался входной звонок. Данилин открыл дверь. На площадке стояла заплаканная Лида, которая, проглатывая слёзы, тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.